

АЛЬБИНА НУРИ

A movie poster for 'Albina Nuri'. The background is a dark, atmospheric scene of a wooden cabin at night, with a bright orange light emanating from a window. In the foreground, a woman's face is shown in profile, wearing white face paint and having a single glowing orange eye.

УЖАСЫ И КОШМАРЫ

Альбина Нури

Ужасы и кошмары

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67675407

Ужасы и кошмары. Сборник рассказов / Альбина Нури: Авторское;

2022

Аннотация

«Ужасы и кошмары» – это третий сборник мистических рассказов Альбины Нури. Мрачные деревни и обычные городские квартиры, неприметные дачные поселки и живописные уголки природы, шумные улицы мегаполисов и тихие сонные городки, безлюдные дороги, ведущие в заброшенные места, – невысказанный ужас может таиться везде, любой человек может оказаться в центре зловещих, жутких событий.

Автор верна своему фирменному стилю: ее новые истории заставят вас неотрывно следить за событиями, холодеть от страха и... ложиться спать с включенным светом!

Два первых сборника рассказов – «Время кошмаров» и «Ужас без конца» – также можно прочесть на «ЛитРес».

Содержание

Часть первая	5
Соседка	5
Бесы сна	19
Белый шум	40
Время играть	68
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Альбина Нури
Ужасы и кошмары.
Сборник рассказов

© Альбина Нури, 2022

Часть первая

За приоткрытой дверью

Соседка

На жильё, которое снял Костя, как говорится, без слез не взглянешь. Находилось оно в двухэтажном деревянном бараке, где на каждом этаже – по четыре квартиры с частичными удобствами (так выразилась женщина, которая сдала Косте эти хоромы). «Частичность» заключалась в отсутствии ванной, но хотя бы раковина и туалет имелись, и на том спасибо.

Квартиру подороже Косте не потянуть: зарплата у молодого специалиста, вчерашнего студента ровно такая, чтобы с голоду не помереть. Так что для оплаты квартиры Костя еще и подрабатывал. Но не унывал: и планы строил грандиозные, и работы никакой не боялся.

Квартирка на втором этаже была темная, неухоженная, со старой разномастной мебелью. Хозяйка давно жила с мужем в другом месте, всё надеялась, что дом снесут и ей дадут новую квартиру. Но городские власти, кажется, забыли про барак.

– Если воду отключат, во дворе колонка есть, – извиняющимся тоном сказала хозяйка, которая не могла поверить в

то, что нашелся человек, готовый снять это жилище.

Костя, как мог, навел уют: полы вымыл, пыль вытер, допотопные светильники и посуду перемыл, проветрил, занавески постирал, расставил по углам кое-какие мелочи, ноутбук на тумбочку водрузил – вроде бы посимпатичнее стало.

– Буду обживаться, – сказал сам себе Костя, глядя в мутное, как его ни отмывай, зеркало с трещиной в углу.

Потекли дни. Уходил Костя рано, приходил поздно, ужинал и спать ложился. Соседей не видел, однако иногда слышал то шаги за дверью, то негромкие разговоры.

В квартире под ним кто-то ходил и иногда покашливал, слышалось что-то вроде скрипа. Один раз ночью в дверь постучали, но пока Костя вставал и шел открывать, посетитель уже успел уйти.

Однажды, тоже среди ночи, заскрипело, застонало... Костя вскочил и увидел, что дверца платяного шкафа приоткрылась. Сердце забилося, Костя вскочил, свет зажег – страшно вато, конечно! Никого в шкафу не было и быть не могло, просто мебель такая же ветхая, как и дом, дерево рассохлось, вот и стонало, а просевшие двери скрипели и сами собой открывались.

Одну из соседок Костя увидел на пятый день после заселения. Это была круглая, уютная старушка в очках, похожая на бабушку из детской книжки с картинками.

– Добрый вечер, – улыбнулся Костя. – Я ваш новый сосед.

– Очень приятно, – заулыбалась она в ответ. – Как же вас

сюда занесло-то? Вам, молодым, разве место в таких развалинах?

– Это дом с историей, мне тут очень даже нравится! – Косте хотелось сказать старушке что-то хорошее. Небось всю жизнь прожила тут, детей вырастила.

– Ну, раз нравится... – Старушка похлопала его по плечу. – Вы на втором этаже? А я на первом. Меня Ириной Владимировной зовут.

Они расстались, довольные друг другом.

Минуло еще два дня, а потом Костя пригласил в новое обиталище свою девушку Катю. Она училась на пятом курсе педагогического, жила в общежитии. «Частичными удобствами» ее было не напугать.

Катя подарила Косте на новоселье плюшевый плед и уверила Костю, что в квартирке «вполне себе миленько». Они включили негромкую музыку, вместе приготовили ужин, болтая о том о сем, обсуждая новости и чувствуя себя семейной парой. Катя осталась ночевать, и среди ночи Костя проснулся от того, что она трясла его за плечо:

– Что такое?

– Слышишь? В соседней комнате ходит кто-то!

Костя прислушался и в самом деле услышал шаркающие, немного неуверенные шаги, а еще постукивание. Кажется, шедший опирался на клюку.

– Это не у нас, а в коридоре! Видимо, соседи. Идет кто-то с палочкой, – попытался он успокоить Катю. – Спи.

Но она так и проворочалась до самого утра, а потом сказала Косте, что больше тут ночевать не станет.

– Мне кажется, в твоей квартире обитает привидение. Всю ночь то скрипы, то вздохи, то шаги.

– Перестань, – отмахнулся Костя, запирая хлипкую дверь. – Дом старый, скрипит, вздыхает. А шаги... Просто кому-то из жильцов не спалось.

Они вышли на улицу и увидели Ирину Владимировну. Ребята поздоровались с соседкой, однако она не ответила, вместо этого метнула на Костю злой взгляд и спросила, указывая пальцем на девушку:

– Это что же такое?

– Не что, а кто, – миролюбиво ответил Костя. – Катя, моя невеста.

– Невеста без места! – выплюнула соседка. – У нас приличный дом, порядочные люди живут. Нечего сюда кого попало таскать!

– Послушайте, вы что говорите-то! – возмутился Костя, а Катя вспыхнула:

– Почему вы меня оскорбляете?

Ирина Владимировна не дрогнула, смерила ее презрительным взглядом и выдала:

– Порядочная девушка ночевать с мужчиной до брака не станет! – Потом повернулась к Косте и процедила: – А я-то думала, что вы хороший парень!

После чего развернулась и зашагала прочь, оставив Катю

с Костей стоять посреди двора.

– Прости, – выдавил Костя. – У нее старомодные взгляды.

Настроение было окончательно испорчено, до остановки они дошли молча, попрощались скомкано.

«Что за муха укусила старуху?» – размышлял Костя.

Прежде соседка казалась ему совершенно адекватной, даже милой.

Работы было много, происшествие постепенно забылось. Костя позвонил Кате, еще раз попросил прощения, и они помирились, правда, девушка твердо заявила, что больше к нему ни за что не пойдет.

Возвращаясь домой, заходя в подъезд, Костя внутренне подобрался: не хотелось встречаться с соседкой. Но пообщаться им все же пришлось. Не успел он переступить порог квартиры, как в дверь деликатно постучали.

– Вечер добрый, – проговорила старушка. – А барышня ваша с вами? Нет-нет, постойте! – торопливо сказала она, видя, что Костя нахмурился. – Я хотела извиниться. Не понимаю, что на меня нашло? Это было так невежливо, так дико с моей стороны. Мне стыдно, я не должна была грубить вам обоим, не имела права так говорить. Простите меня, прошу вас.

Она выглядела виноватой и несчастной. Костя невольно улыбнулся.

– Давайте забудем, все в порядке.

– Правда? – обрадовалась соседка. – Вы не сердитесь на

старуху?

Костя заверил, что ни капельки не сердится, и тут Ирина Владимировна попросила его подождать, а через пару минут вернулась с большой тарелкой, накрытой белоснежным полотенцем.

– Вот вам к ужину! Только что испекла, еще горячий! Кушайте на здоровье, не побрезгуйте! Любите пироги с капустой? Люди говорят, у меня вкусно получается.

В тарелке и впрямь золотился пирог – аппетитный, ароматный, с хрустящей корочкой. Костя от души поблагодарил соседку, заверил, что недоразумение забыто, и пообещал завтра вернуть тарелку.

Он запер дверь, пристроил пирог на тумбочку, которая стояла возле старинного зеркала, и стал разуваться. Не успел поставить кроссовки в угол, как услышал звон.

Костя вскрикнул, не удержавшись, и обернулся. Разбитая тарелка валялась на полу, ее содержимое лежало неприглядной кучкой. Костя аж зубами заскрипел с досады: о том, чтобы подбирать с пола и есть, речи быть не могло. Такой ужин пропал! Видно, он поставил тарелку слишком близко к краю... Тарелку! Еще и ее разбил, что же теперь соседке возвращать? Она наверняка какая-нибудь особая, из любимого сервиза, пожилые люди придают огромное значение подобным вещам.

Проходя мимо зеркала в кухню, чтобы взять совок и ве-
ник, Костя боковым зрением заметил какую-то тень. На долю

секунды ему показалось, что в зеркале стоит человек (длинная темная фигура), и он резко обернулся.

Показалось, разумеется. Нет там никого, что за глупости.

Утром Костя увидел во дворе Ирину Владимировну, которая развешивала на веревках ослепительно-белые простыни и махровые полотенца. Хотел пройти мимо, чтобы не нарваться на вопросы про пирог и тарелку, но женщина оглянулась и заметила его.

Увидела – и на лицо словно бы тень набежала. Она посмотрела на Костю как-то странно, точно не узнавая, а он, воспользовавшись ее замешательством, наспех поздоровался, прибавил шагу и почти выбежал со двора,

Днем ему было не по себе, мысли то и дело возвращались к тому, где он возьмет похожую тарелку, чтобы отдать Ирине Владимировне: не хотелось портить отношения.

На работе пришлось задержаться подольше, но Костя все равно успел на почту: хотел отправить матери в деревню небольшую посылку. Улыбнулся, представляя, как она обрадуется. До закрытия оставалось буквально несколько минут, но сотрудница сжалилась, согласилась принять.

– Обратный адрес укажите, – велела она.

Костя, чуть помедлив, написал название улицы, номер дома и увидел, что почтальонша округлила глаза:

– Вы серьезно? В самом деле там живете?

– Ага. Снимаю квартиру. А что такого?

– Но это же... Этот дом... Как вы можете там жить?!

– Не дворец, конечно, – усмехнулся Костя, решив, что ее шокирует жизнь в ветхом доме без нормальных удобств.

Но выяснилось, что дело вовсе не в этом.

– Неужели вам не страшно? – тихо спросила женщина. – Совсем одному, еще и с этой ведьмой по соседству?

– Одному? – не понял Костя. – О чем вы? В доме полно народу... – начал было он, но осекся.

Конечно, встречался Костя только с Ириной Владимировной. Но ведь постоянно слышал шаги, голоса, стук.

«Ночами», – напомнил он себе, но тут же отбросил тревожную мысль. Конечно, ночами, а когда еще, если он и домой-то приходит практически только переночевать? Но дом в порядке, не похож на заброшку: двери квартир закрыты, в подъезде чисто, на окнах занавески. Ни выбитых стекол, ни других следов запустения.

– Вы что-то путаете, – твердо сказал Костя. – Люди живут в доме. Я их слышу время от времени. Просто, наверное, они немолодые уже, редко выходят, вот вы и решили...

– Нет! – перебила женщина. – Я знаю! Да тут, на районе, все это знают. Нехороший дом, жильцы помирали, как мухи, изо всех квартир, кроме ведьминой, людей вперед ногами выносили, одного за другим! У вашей-то хозяйки тоже небось помер кто-то, вот она и сбежала, не стала там жить! И как совести хватило сдать квартиру в проклятом доме!

– Погодите, как вы сказали? Ведьма? Это вы про Ирину Владимировну?

Женщина поджала губы.

– Не верите? Конечно, вы же все сейчас образованные, умные. Я не знаю, что она делала, но все, кто ей дорогу переходили, помирали. И никаких следов! Кто от сердца помер, кто от инсульта. Сидит теперь одна, сычиха... Гляди, как бы за тебя не взялась.

«Вот тебе и отправил посылку», – думал Костя, медленно шагая в сторону своего дома.

Он не знал, что и думать, как реагировать на странные слова. В ведьм он, разумеется, не верил. Но при мысли о том, что в доме вправду нет людей, ему стало дурно. Кто же тогда ходил, вздыхал, стучал?

Нет, та женщина ошибается, иначе и быть не может!

Однако, когда Костя подошел к дому, решимости у него поубавилось. Впервые он вернулся настолько поздно: уже стемнело, на улице зажглись фонари. Неподалеку стояли пятиэтажки и желтые каменные двухэтажные дома, более новые и комфортные, чем Костин барак, – и во многих окнах горел свет.

Костин дом – единственный во всей округе! – стоял темный, мрачный. Впрочем, одно окно горело желтым светом – окно в квартире Ирины Владимировны. Лампочка в подъезде тоже светилась. Костя почувствовал, что напуган. Стыдно признаться, но идти домой не хотелось.

«Перестань! Что ты как ребенок! – одернул себя парень. – Может, люди ложатся рано или свет экономят. Но даже если

в самом деле нет никого, что тут такого? Чего бояться?»

Костя подошел к подъезду. Но вместо того чтобы войти, решил кое-что проверить. Он еще на днях заметил, что одно из окон первого этажа постоянно приоткрыто. Это его не слишком удивило: возможно, людям душно, проветривают. Он обошел дом и, подойдя к нужному окну, осторожно постучал по стеклу, не слишком надеясь услышать: «Кто там?»

Его и впрямь никто ни о чем не спросил. Тогда Костя, чувствуя себя немного глупо, отодвинул занавеску и заглянул внутрь. Там было темно, ничего не видно, и Костя включил на телефоне фонарик. Глазам его предстала картина полного запустения. Судя по толщине слоя пыли, лежавшего на полу и мебели, в квартире никто не жил уже много лет.

Костя отошел от окна, прижался спиной к стене дома. Хорошо, в этой квартире не живут. Но имеются же еще пять квартир, кроме его и Ирины Владимировны. В квартире под ним есть жильцы: Костя почти каждую ночь слышал шаги, кашель, поскрипывание. Надо сходить туда и убедиться, что все в порядке. Всегда лучше знать наверняка!

Костя вошел в подъезд на цыпочках (хотя сам не понимал, от кого таится), подошел к нужной двери. Поднял руку, чтобы позвонить или постучать, но тут увидел то, на что не обращал внимания прежде. Дверная ручка была грязная, пыльная. Никто не трогал ее уже давно! Точно в таком же состоянии были и другие ручки, кроме ручки на двери, которая вела в квартиру Ирины Владимировны, и этот контраст

бросался в глаза.

Не успев сообразить, что делает, Костя толкнул дверь. Та оказалась не заперта. Он шагнул в прихожую. Света зажигать не стал, снова воспользовался телефонным фонариком.

В квартире пахло запустением и сыростью. В тесной прихожей на вешалке висело тяжелое пальто с рыжим воротником. Маленькая тесная кухня, комната побольше, почти лишенная мебели, за исключением шкафа и круглого стола со стульями.

Костя заглянул в спальню и увидел кровать. Вернее, железную сетку. Ни белья, ни матраца. Если ему еще требовалось доказательство, что квартира пуста, то вот оно.

Но кто тут ходил? Кто кашлял и...

И тут за спиной Кости раздалось то самое поскрипывание, которое он иногда слышал ночами. Он как-то сразу, вмиг сообразил, *что* могло издавать такой звук, а сообразив, покрылся холодным потом.

«Это бывает только в фильмах ужасов!» – подумал Костя.

Обернуться было страшно, но стоять, когда за спиной творится что-то ужасное, еще хуже. Костя медленно повернул голову на звук. Так и есть: в углу стояло старое кресло-качалка.

«Скрип-скрип», – кряхтело оно, раскачиваясь.

На долю секунды Косте показалось, что он видит сидящего в кресле человека – седого мужчину в очках и толстом свитере. Потом силуэт пропал, осталось лишь кресло, кото-

рое качалось само по себе...

Костя прижал ладони ко рту, чтобы сдержать рвущийся наружу вопль, и бросился прочь из жуткого места.

«Мне кажется, в твоей квартире обитает привидение. Всю ночь то скрипы, то вздохи, то шаги», – сказала Катя, и теперь Костя сам так думал. Но призраки, видно, обитали не только в его жилище, но и во всем доме, в каждой из брошенных квартир!

Парень выскочил на лестничную клетку и нос к носу столкнулся с Ириной Владимировной.

– В доме никто, кроме нас, не живет? – от неожиданности выпалил Костя.

Соседка поджала губы и ответила:

– Конечно, нет. И хорошо! Жили мерзкие, грубые люди, а теперь умерли!

Лампочка в подъезде была тусклая, свет еле пробивался сквозь грязное стекло. В неверном, слабом освещении лицо старухи показалось Косте неприятным, зловещим. Восковая кожа, глубоко запавшие глаза; крючковатый нос выпятился, а губы словно бы стали тоньше. Теперь перед ним была не милая бабушка, а настоящая злая колдунья.

«Проклятый дом... Ведьма!» – пришли на ум слова почтальонши.

Снова не сумев как следует все обдумать, Костя произнес:

– Это вы всех извели? Всех своих соседей? Они вам мешали чем-то, и тогда вы...

Тут ему вспомнились давешний пирог и то выражение, с которым старуха утром поглядела на Костю. Он понял, что было в том взгляде! Удивление, вот что!

Костя воскликнул:

– Вы и меня хотели убить! Что было в том пироге?

– Так я и знала, что ты его не ел! – прокаркала старуха.

– Я тарелку уронил. А вы удивились, что я жив!

– Туда вам всем и дорога! – Соседка затряслась от ярости. – Мужланы невоспитанные да хабалки – вот кто тут жил! Все меня ненавидели, смеялись в спину, хамили, и ты таким оказался, хотя сначала я подумала: приличный юноша! А ты не успел въехать, как девок начал водить! – Взгляд Ирины Владимировны сделался лукавым. – Помер бы – никто и не понял бы, отчего! Никто ничего не докажет, ни разу не удалось! Я химик, и дело свое всегда хорошо знала!

Это было равносильно признанию, и Костя буквально оторопел, не зная, как поступить, что делать с этой информацией. Старуха захихикала, видя его смущение, и тут произошло невероятное.

Старая ведьма посмотрела куда-то за спину Кости. Глаза ее округлились, и она завопила:

– Ты?! Тебя нет! Убирайся вон!

Следом раздался страшный грохот. Костя в первый миг решил, что бомба рванула, но сообразил: дело в другом. Все двери в доме (и на втором этаже, наверное, тоже) разом открылись, ударившись о стены, выпуская кого-то.

Старый дом наполнился звуками: голоса, постукивания, скрипы, шаги, а ведьма завертелась на месте, в панике визжа, чтобы ее оставили в покое:

– Вы мертвы! Подохли! Прочь! Убирайтесь отсюда! Оставьте меня!

Она явно видела что-то или кого-то, кого Костя видеть не мог, и видения эти пугали ее до смерти. Костя отчетливо понял: тарелка с пирогом упала не просто так. Те, у кого отняла жизнь злобная ведьма, спасли его, а теперь пришли за убийцей. Возможно, появление Кости каким-то образом подтолкнуло их, придало сил, и больше они не желали оставаться взаперти в проклятом доме, вместе с той, что погубила их.

Тем временем старуха застыла на месте и схватилась обеими руками за горло. Она открывала и закрывала рот, ей явно не хватало воздуха. Лицо побагровело, потом приняло синюшный оттенок, глаза вывалились из орбит, пальцы царапали кожу на горле. Старуха захрипела и повалилась на пол. «Умерла», – с ужасом подумал Костя.

В тот же миг все снова загрохотало: двери захлопнулись. А после воцарилась тишина. На полу у ног Кости лежала мертвая соседка. Вероятно, когда приедет скорая, врачи констатируют инфаркт.

Больше никого в старом доме не было – теперь уже точно. Костя надеялся, что призраки, обитавшие тут, жаждавшие отмщения, ушли навсегда.

Бесы сна

Звонок на городской телефон раздался, когда Лиза собиралась выключить компьютер и пойти домой. Статья, которую завтра нужно сдать редактору, все равно не пишется, сколько можно сидеть и пялиться на пустой экран.

Лиза подождала, не возьмет ли трубку кто-то другой (на этом номере «сидели» и рекламщики, и отдел распространения), но, видимо, все уже ушли.

– «Отражение мира», здравствуйте, – привычно проговорила Лиза, в который раз поморщившись. Неужели никто из отцов-основателей не мог придумать журналу менее претенциозное название?

В трубке помолчали, затем раздалось покашливание и робкий голос зачем-то уточнил:

– Это редакция?

– Да.

Вздых и новая порция покашливаний. Лиза начала раздражаться.

– С кем вы хотели бы поговорить?

– Вы же пишете про всякие аномалии, ужасы разные, так?

– Наше издание специализируется на изучении паранормальных явлений, – заученно проговорила Лиза, хотя слово «изучение» вообще не подходило под то, чем они занимались.

Писали обо всякой псевдонаучной чепухе, ставили на первые полосы бредовые статьи вроде «В Альпах обнаружены горные тролли», публиковали сделанные при помощи фотошопа снимки призраков и восставших мертвецов, брали интервью у шизофреников, которые утверждали, что видели русалок.

Как раз сейчас Лиза пыталась «родить» текст про зеленых человечков, которых якобы заметили в спальном районе города. Когда она устроилась в журнал, то искренне верила, что будет писать о загадочных явлениях, проводить расследования в духе «Секретных материалов». Но вместо этого уже пятый год выдумывала откровенную чушь. Одно радовалось: платили неплохо.

– Это как раз по вашей части, я потому и звоню, – обрадовалась девушка.

– Можно конкретнее?

– Извините. Понимаете, никто не верит. Говорят, в дурдоме вам место.

«Так, скорее всего, и есть», – подумала Лиза, а вслух спросила:

– Кому это – «вам»?

Сбиваясь, вздыхая и покашливая, девушка рассказала свою историю. Выяснилось, что живет она в соседнем небольшом городке N-ске. Не так давно там орудовал нелюдь, который жестко убивал девушек и вырезал им глаза. На его счету было десять жертв.

Как это часто и происходит, поймали зверя случайно, им оказался уважаемый человек, профессор Кронин, главврач местной больницы. Заподозрил маньяка сосед, у которого пропала дочь. Он обратился к двоюродному брату, служившему в полиции, стали копать...

Дальше события развивались стремительно. Кронин задергался, почуял, что земля под ногами горит, и покончил с собой, приняв лошадиную дозу какого-то препарата. Легко отделался, в общем. Случилось это около двух месяцев назад.

Девушка, назвавшаяся Анной, умолкла. Лиза ждала продолжения. История была, конечно, трагичная, но «Отражение мира» тут с какого боку? Анна по-прежнему ничего не говорила, и Лиза задала этот вопрос вслух.

– Стало только хуже. Он продолжает убивать, – шепотом проговорила девушка. – Соседа своего убил, его жену и брата, того полицейского... Двух врачей-коллег, которые показания давали. А после, как всем отомстил, не успокоился, за старое взялся.

– В каком смысле? – автоматически спросила Лиза, которая еще не решила, сумасшедшая эта Анна или нет.

– В том самом. Девушки стали умирать.

– Погодите, то есть убийства возобновились?

«Скорее всего, Кронин не был виноват!» – промелькнуло в голове.

– Вроде как сами умирают. А на самом деле он ночью при-

ходит и... – В трубке послышался какой-то шум, кажется, дверь хлопнула, и Анна понизила голос. – Не могу говорить. Так вы приедете?

– Что? Куда?

– Вы же расследования проводите, ну, так проведите! – торопливо и горячо заговорила Анна. – Разберитесь! В полиции же с этим не помогут!

– Да я не...

– Так я и знала, – горько проговорила девушка. – Везде вранье одно.

– Погодите, просто я не совсем понимаю, что вы хотите!

– Чего хочу? Жить хочу, вот чего! – Теперь Анна почти кричала, перейдя на «ты». – Он ко мне подбирается! Знаешь, каково это – понимать, что скоро умрешь? Я четвертые сутки не сплю и...

Связь прервалась.

Огорошенная Лиза сидела, сжимая трубку в руке. Может, розыгрыш? Нет, Анна явно была в отчаянии, такое не сыграешь. Лиза зашла в Интернет и ввела в поисковую строку фамилию профессора-убийцы.

...Главный редактор всегда приходил на работу первым, даже раньше секретарши, но в этот раз его опередили.

– Доброе утро, Аркадий Иванович! – Лиза встала со стула, едва увидев в дверях приемной грузную фигуру. – У меня срочное дело.

Аркадий Иванович удивленно приподнял брежневские

брови и жестом пригласил Лизу войти.

– Кофе будешь?

– Потом, потом, – отмахнулась она. – У меня сенсация! Есть случай, который может доказать существование жизни после смерти!

Главред втиснулся в кресло и устало поглядел на журна-
листку.

– Все никак не угомонишься, а? Не поняла за столько лет, что...

– Да погодите вы! Послушайте!

– Ты мне статью в номер сдаешь?

Лиза слегка покраснела: про зеленых человечков она совершенно забыла, до поздней ночи сидела за компьютером, собирая информацию, а утром, едва проснувшись, помчалась в редакцию.

– Нет, – честно ответила Лиза. – Аркадий Иванович, поручите Калугиной, она все сделает. Я вам сейчас такое расскажу! Мне вчера девушка позвонила...

Лиза принялась сбивчиво рассказывать о звонке Анны, а после – о своих изысканиях.

– Кронина она не выдумала...

– Знаю, – перебил Аркадий Иванович, – громкое дело было.

– Я проверила по газетам, по объявлениям на сайте больницы, где Кронин работал: все, про кого говорила Анна, действительно умерли после самоубийства профессора. Скон-

чались ночью, во сне. Это совпадение? Как говорится, не думаю!

– Но умерли-то от естественных причин, – уточнил главред.

– Сердце, – коротко ответила журналистка. – Я попыталась узнать про смерти девушек, о которых говорила Анна, но в открытом доступе нет информации. Вы же можете по своим каналам узнать! У вас везде связи! – Лиза молитвенно сложила руки. – Если все правда, то про череду смертей во сне от рук мертвого маньяка можно такой материал сделать!

Аркадий Иванович колебался.

– Я могу съездить в N-ск, тут всего-то пара часов езды. Поговорю с людьми, получится настоящее расследование, для журнала только плюс!

Главный редактор подумал, что, в принципе, ничего не теряет. Дело Кронина и правда резонансное, а Лиза – девочка толковая, писать умеет.

Минут через сорок Аркадий Иванович позвал Лизу, которая ждала в приемной, и сказал, постукивая пальцами по столешнице:

– Четыре девушки за последние три недели действительно скончались во сне. Официальная причина смерти – остановка сердца.

– Вот! – Лиза победно вскинула руку. – Я говорила! Надо по определителю номера узнать, кто эта Анна, я поеду к ней...

– Не горячись, – остановил ее Аркадий Иванович. – Четвертая девушка умерла как раз прошлой ночью. Анна Скорикова, двадцать шесть лет.

– Как? – выдохнула Лиза.

Только вчера бедняжка просила о помощи, а уже сегодня...

– Короче, ты едешь в N-ск. Машина уже ждет. Я договорился, позвонил нужным людям. Побеседуешь там кое с кем, сейчас дам координаты.

Дорогу до N-ска Лиза еле осилила. Была готова выскочить из редакционной «Лады» и бегом бежать, так ей не терпелось попасть в город.

После она часто думала, что, если бы могла все вернуть, то ни за что не поехала бы в чертов городишко. Да и на звонок Анны отвечать не стала бы.

Морг находился в подвале городской больницы. Это было мрачное трехэтажное здание из красного кирпича, построенное, судя по всему, в позапрошлом веке; с правой стороны стояла церковь, с левой – здание полиции. Накрапывал дождик, свинцовое осеннее небо тяжело навалилось на город, придавило его к земле, и Лизе вдруг захотелось сесть обратно в машину и попросить водителя увезти ее отсюда.

Но она, конечно, пересилила себя и пошла к дверям.

Человек, с которым ей предстояло говорить, был лысым, как коленка, высоким и худым, с выпирающими лошадиными зубами.

– Олег. – Он пожал Лизе руку и сказал, что в состоянии всех умерших, несмотря на официальное заключение о смерти от естественных причин, было нечто общее – то, что никак нельзя назвать естественным.

– В глаза им будто песку насыпали. Красные, сосуды и капилляры полопались, а... Это сложно передать словами, но глаза словно бы высохшие. Никогда такого не видел. Хотя, должно быть, это от бессонницы: родственники говорили, перед смертью они переставали спать, вели себя странно. Слухи ползут, люди боятся чего-то, сами не знают чего. – Олег коротко, неприязненно глянул на Лизу. – Мое имя в своей статейке не упоминайте! Я бы никогда с вами и говорить не стал, просто должен кое-кому кое-что.

Выдав эту тираду, Олег умолк.

– Можно мне увидеть Анну Скорикову? – попросила Лиза.

После недолгих уговоров Олег согласился.

– Ничего не трогать. Никаких фотографий. Смотрите – и уходим, ясно?

Лизе было ясно все, кроме того, зачем ей вообще понадобилось смотреть на покойницу. Как на ухо кто шепнул, подсказал, а она выдала просьбу вслух.

Девушка, с которой вчера говорила Лиза, лежала на металлическом столе. У нее были короткие темные волосы, впалые щеки и тонкие губы. Лиза представила, как из этих губ вырываются слова: «Жить хочу!»

Сейчас восковое лицо было спокойным, Анну больше ничто не волновало, за жизнь свою она бояться перестала. Верно сказал Теодор Паркер: «Умирая, перестаешь быть смертным».

– Насмотрелась? – спросил Олег, и Лиза хотела повернуться и уйти, но тут...

Покойница распахнула глаза.

Лиза не могла поверить, что вправду видит это. Крово-алые глаза Анны были ужасны, они напоминали камни, провалившиеся глубоко в высохшие глазницы, словно в черные ямы. Мертвая девушка уставилась прямо на Лизу, взгляд был живым и злобным. Бледные губы растянулись в ухмылке и произнесли:

– Ты следующая!

Лиза прижала ладони к лицу и закричала. Олег, желая успокоить ее, положил руку журналистке на плечо, но та завопила еще сильнее, отпрянула, едва не упала.

– Нервы надо лечить, – сердито говорил Олег через некоторое время, провожая ее до входной двери. – У меня теперь проблемы будут!

– Вы правда ничего не видели? – жалобно спросила Лиза. – И не слышали?

Олег отрицательно покачал головой и выдворил ее за порог. Лиза старалась убедить себя, что ей, видимо, показалось на нервной почве, ведь когда она перед уходом рискнула снова взглянуть на покойницу, та выглядела обычно, глаза были

закрыты. Но поверить, что такое могло показаться, не получилось. Тем более раньше никогда ничего не чудилось.

Водитель удивленно посмотрел на бледную трясущуюся Лизу и спросил:

– Домой, что ли?

Домой, конечно, хотелось, но разве получилось разобратся во всем? Мало того что ничего не прояснилось, еще и этот ужас в мертвецкой, и ощущение, что она впуталась во что-то страшное. Нет, уезжать рано.

Лиза молча сунула водителю бумажку с адресом, которую дал ей главный редактор.

Анна жила с матерью в пятиэтажке на окраине городка. Лиза звонила в дверь, пытаясь взять себя в руки, собраться для разговора с женщиной, только что потерявшей дочь, но говорить было не с кем: ей не открыли. Зато из соседней квартиры выглянула девица в спортивном костюме и сказала:

– Нету ее. Похоронами занимается. А вы что хотели?

Лиза пояснила. Узнав, кто она, и то, что Анна звонила ей накануне, соседка прикусила губу и пригласила Лизу войти.

– Мать Анькина вам бы все равно не сказала ничего, она не в курсе. Не ладили они. А я все знаю. Анька правду сказала, это он ее убил. И не ее одну. Сначала никто не верил, а теперь... – Девушка поежилась. – Анька как на похороны подружки ходила, сама не своя стала.

– После похорон? – в сознании Лизы забрезжила какая-то

мысль, но оформиться не успела.

– Говорю же, подружка у нее умерла. Точно так, как Анька! Я спрашивала, в чем дело, и Анька сказала, что боится спать, как боялась и ее подруга! Во сне их преследовала жуткая тварь! Анька говорила про нее и прямо тряслась.

– Что за тварь?

– Вроде громадный паук с человеческим лицом. – Соседка нервно хмыкнула. – А лицо того убийцы, профессора. Анька пыталась сбежать от него, говорила, если поймают и убьют во сне, она вправду умрет! Боялась спать ложиться. Кофе пила литрами, водой холодной обливалась, свет не выключала, по парку бродила: пока ходишь ведь не уснешь. Один раз меня попросила посидеть с ней, денег даже за это предложила, но ее мать меня не пустила. Та еще дрянь.

Лиза поморщилась: это походило на сказку. Точнее, на фильм.

– «Кошмар на улице Вязов», – сказала она. – Фредди Крюгер убивал людей во сне, а они умирали наяву.

– Там кино. А тут жизнь. Анька же умерла, – грустно ответила соседка, и возразить на это было нечего.

Выйдя из подъезда, Лиза села в машину и позвонила еще по одному номеру, который дал Аркадий Иванович. Медсестра, что много лет работала с Крониным, согласилась ответить на пару вопросов (при условии, что ее имя нигде не всплывет), но увидевшись отказалась, передумала в последний момент.

– Можете дать мне адрес Кронина? У него ведь была жена, я бы хотела...

– Не получится. Дом сгорел. Пожар был, дотла все выгорело. А с женой профессор уже три года не жил, она вроде бы уехала в Москву.

– Был поджог? – спросила Лиза, хотя это не имело особого значения.

– Виновного не нашли. Да и не особо ищут.

Уже темнело, и Лиза подумала, что домой они вернутся поздним вечером. На душе становилось все тревожнее.

– У вас ко мне все? – резко спросила медсестра.

Лиза не знала, о чем еще спрашивать, мысли путались, перед внутренним взором то и дело всплывали запавшие, мертвые, но при этом живые красные глаза.

– Не понимаю, он же был врачом, спасал жизни, откуда эта жестокость? – проговорила Лиза, ни к кому конкретно не обращаясь.

Медсестра фыркнула.

– Никого он не спасал. Профессор Кронин был психиатром.

На обратном пути Лиза не перекинулась с водителем ни единым словом, слишком измученная и напуганная, чтобы общаться с кем-то, хотя сама не могла до конца понять природы своего страха.

Вернувшись домой, она заметалась по квартире. Хотела приготовить ужин, но поняла, что кусок в горло не полезет.

Надо бы позвонить шефу... Нет, она просто не может говорить обо всем, что узнала.

Выйдя из душа, Лиза почувствовала, что усталость берет свое, к тому же она почти не спала прошлой ночью. Но при мысли о том, чтобы лечь в кровать и выключить свет, делалось дурно.

«Ничего с тобой не случится! Ты не из N-ска, никогда не видела этого доктора!» – говорила себе Лиза, но потом в памяти всплывали слова: «Ты следующая».

«Стоп!» – приказала она себе.

Фредди Крюгер из провинциального городишки – чушь собачья. Наверняка всему есть логичное объяснение. Жуткие глаза – это, возможно, какая-то инфекция. А то, что она услышала и увидела, – всего лишь результат стресса. Не каждый день бываешь в морге и видишь покойников. Чем забивать голову ерундой, лучше попытаться узнать еще что-то про Кронина.

Для статьи, конечно же.

Лиза долго искала о профессоре информацию, которая не касалась бы убийств и суицида. Пришлось пролистать множество страниц, прежде чем она добралась до более ранних упоминаний об этом человеке. Их было не так много, и несколько раз Лиза видела рядом с фамилией профессора имя доктора Самойлова, владельца крупной частной клиники. Отыскав на сайте клиники телефон, Лиза набрала нужный номер.

Было поздно, однако доктор чудом оказался на месте. Узнав, кто такая Лиза, хотел повесить трубку, но она быстро проговорила:

– Пожалуйста, помогите, если можете! Это звучит бредово, но все, кто имели отношение к аресту профессора, мертвы. А потом умерли еще четыре девушки. Умерли во сне, боялись ложиться спать, но в итоге засыпали и уже не просыпались, а их глаза...

– Были сухие, воспаленные и красные? – перебил доктор Самойлов.

– Откуда вы знаете?

– Это невероятно, – пробормотал мужчина. – Вы знаете, чем занимался Кронин? Какова была тема его научной работы?

– Нет, – прошептала Лиза, предполагая возможный ответ.

– Он изучал сновидения. Поначалу все шло хорошо, но с годами превратилось в одержимость. Кронин утверждал, что существуют бесы сна, которые пробираются в разум человека, пока тот спит, и узнают, чего смертный боится больше всего. А после начинают преследовать, стоит ему заснуть, принимая облик того, что способно напугать бедолагу до смерти. Свести с ума от ужаса, вырвать глаза, убить – вот что им нужно. Сны для несчастного перестают быть обычными снами, как у всех людей, это балансирование на грани между мирами; и если человек погибнет в своем видении-сне, то и наяву умрет тоже. При этом глаза... – Доктор осекся. –

Вы видели, что вам рассказывать. Если эта тварь привяжется, спастись невозможно: стоит заснуть – бес начинает охоту. Некоторые, как гласит легенда, выкалывали себе глаза, чтобы не спать...

Доктор Самойлов запнулся и умолк.

– У жертв Кронина, я имею в виду, пока он был жив, были вырваны глаза, – сказала Лиза. – Почему? Он сошел с ума и вообразил себя бесом?

– Хуже, – просипел Самойлов. – Хотел им стать, чтобы перейти в потусторонний мир и жить вечно. Прочел в одной из своих мерзких книг, что нужно убить десять девушек, вырезать им глаза и скормить бродячим псам, читая при этом какие-то заклинания.

– Вы негодяй! – Лиза задохнулась от гнева. – Подозревали Кронина и никому не сказали!

– Ничего я не подозревал! – резко бросил доктор.

– Как бес находит своих жертв?

– Разговор окончен. Мне пора.

– Как? – снова закричала Лиза. – Пожалуйста!

– Я не могу знать наверняка! Кажется, это передается по цепочке, вроде заразной болезни. От одной жертвы к другой. Достаточно посмотреть в лицо мертвецу, убитому бесами сна. Если бес выберет тебя, ты обречен.

Лиза сидела, как парализованная. Последние слова доктора грохотали в ушах. Чудовище выбрало ее, значит, ей не спастись? Меньше чем за сутки жизнь пошла прахом?

– Доктор, прошу вас, – взмолилась она. – Вы знаете, что можно сделать? Хотя что-то, какая-то зацепка!

– Откуда мне знать? – возмутился Самойлов.

– Вы догадывались, но побоялись сказать, кто убийца. Вас будет мучить совесть. Но если поможете мне выжить...

– Не смотреть ему в глаза! Это может сработать. Кронин как-то обмолвился, что нельзя встречаться с бесом взглядом, когда он в первый раз явится тебе во сне.

Доктор Самойлов повесил трубку. И даже, наверное, отключил телефон.

Лиза полагала, что не уснет этой ночью, но усталость брала свое. Сидя перед монитором, читая все, что удавалось найти об особенностях сна, сонном параличе, мифах и легендах о снах у разных народов, девушка чувствовала, что внимание все больше рассеивается, глаза слипаются, точно в них насыпали песку.

Даже это жуткое (в свете последних событий) словосочетание уже не могло напугать. Надо бы пойти и прилечь, подумалось ей, и Лиза подняла голову, оторвав взгляд от монитора.

И в этот миг поняла, что уже спит. Это было именно то самое видение-сон, про которое говорил Самойлов. В обычном сне ты (если не практикуешь осознанное сновидение) не осознаешь, что спишь, но сейчас все было иначе.

Лиза будто очутилась в зазеркалье. Это была ее квартира – и в то же время другое место. Окна исчезли, пол казался

зыбким, как болотная трясина, компьютер выключился сам собой, монитор погас. Открытая дверь вела из комнаты в коридор, в глубине которого колыхалась тьма.

«Чего я боюсь больше всего? Чего мне ждать?» – в панике спрашивала себя Лиза. Никаких особых фобий у нее нет.

Тут до Лизы дошло, что и бес еще не знает этого, он затем и явится: попытаться узнать, забраться в ее голову!

В отличие от других жертв Лиза предупреждена и даже вооружена. Прочие жертвы бесов сна ошибались: не нужно стараться не спать или – ужас какой! – выкалывать себе глаза. Но нужно перестать видеть!

Лиза схватила шарф, который как по волшебству оказался рядом, и завязала глаза, хотя остаться в полной темноте было страшно.

Шаги послышались внезапно: кто-то шел по коридору. Не так уж и велик был коридор (всего-то метра полтора), но здесь, в этой реальности, вытянулся, стал длинным, и гулкие шаги звучали все ближе.

Лиза вцепилась в подлокотники.

– Лисенок, ты чего тут сидишь? – послышался знакомый голос.

Мама?

Первым порывом было содрать повязку с глаз, обернуться, рассказать обо всей чертовщине, но Лиза вовремя удержалась.

– Убирайся, – прошептала она.

Прямо над ухом раздалось хихиканье. Кто-то провел рукой по волосам, легонько дернул за прядь.

– Не хочешь взглянуть на меня?

Лиза похолодела.

Голос принадлежал Лене, старшему брату, утонувшему пять лет назад.

Холодная влажная ладонь переместилась с затылка на шею. В воздухе запахло сыростью.

– Мне все еще двадцать пять. И всегда будет. Это магия, и ты тоже так сможешь. – Голос теперь звучал обиженно. – Давно не виделись, а ты и не соскучилась?

– Ты не мой брат!

Сильные пальцы сжали шею. Кажется, они заканчивались когтями: в кожу словно впились иглы.

– Я в нем, а он – во мне, – пропел незнакомый голос. – В любом случае твой брат со мной. За грех самоубийства. Этот грех у нас общий.

– Неправда! – прошипела Лиза. – Леня не убивал себя, он погиб! Тебе меня не спровоцировать!

– Про провокации я знаю все. От профессора-психиатра до беса сна – неплохая карьера, ты так не думаешь?

Голых ног Лизы коснулось что-то твердое, скользкое и холодное. Оно было живым, извивалось, ползло, поднимаясь все выше, к коленям.

«Змея!» – содрогаясь от отвращения, поняла Лиза и, не удержавшись, завизжала.

Огромная змея опутывала ее упругими кольцами, могла вот-вот разинуть пасть с ядовитыми зубами и укусить!

«Не будь дурой, сними повязку с глаз, защити себя!» – кричал голос внутри нее, и Лиза схватилась руками за шарф.

Не поддаться стоило невероятных усилий, но у нее получилось.

– Никакой змеи нет! – выкрикнула она. – И мамы нет, и Лени! Есть только ты, и я тебя не боюсь.

Змея сгнула.

– Так уж и не боишься! – И после паузы: – Нет так нет. Считай, победила. К счастью, ты не одна на этом свете. В одиночестве не останусь.

Шаги стали удаляться, а потом стихли. Снова воцарилась тишина.

«И это все?» – растерянно подумала Лиза, понимая: тут что-то не так.

Бес на то и бес, чтобы морочить! Но как поступить? Может, попытаться проснуться? Ведь она все еще спит. Лиза принялась щипать себя, но ничего не происходило. Наверное, из сна ее мог вырвать звонок будильника или телефона. Или кто-то должен был разбудить, сама она пробудиться не могла.

«А если я уже никогда не проснусь?!»

Снова захотелось снять повязку: не видя ничего, Лиза чувствовала себя беспомощной, немощной, уязвимой. Нет, нельзя делать этого и открывать глаза! Бес рядом, притаил-

ся, только этого и ждет.

Прошло какое-то время, и Лиза почувствовала запах гари и тихое потрескивание. Пожар! Она по сто раз проверяла, выключила ли утюг, плиту, чайник, боялась возгорания проводки – и вот это случилось!

Пожар разгорался быстро. Запах дыма становился все более удушливым, в комнате было жарко, пламя подбиралось ближе.

«Я сгорю заживо! Надо встать, потушить огонь! Господи, как больно!»

Пламя острым языком лизало ступни, лодыжки, поднимаясь все выше. Лиза задыхалась и кашляла, слезы текли по щекам. С каждым вздохом жар забирался глубже в горло, скоро она совсем не сможет дышать!

Лиза хрипло закричала, вцепившись в повязку, которая стала обжигающе-горячей. Сейчас вспыхнут волосы и одежда, кожа обуглится, огонь выжжет легкие изнутри, и она умрет!

– Твой дом горит! – кричал разум, и ей хотелось повиноваться его голосу. – Бесы, сны – это глупости, ты слишком долго работала в шарлатанском журнале, вот и поверила. Сними повязку, спаси свой дом и себя саму!

Голова кружилась, боль становилась нестерпимой.

Лиза сжала челюсти и упрямо мотнула головой.

«Это не настоящий пожар. Он мне лишь снится. Я переживу эту ночь и...»

Додумать она не сумела. Сознание покинуло девушку: Лиза выключилась, как перегоревшая лампочка.

Телефон звонил и звонил.

Лиза сделала глубокий вдох и открыла глаза. Обнаружив себя сидящей в кресле перед компьютером, она все вспомнила и бешено огляделась. Комната выглядела обычно, никаких следов пожара. Часы на мониторе показывали десять утра: неудивительно, что главный редактор пытается дозвониться!

«Было это? Или мне лишь приснилось? Бес сна вправду приходил?»

Лиза протянула руку и взяла шарф, что лежал на столе. Она не могла припомнить, как принесла его сюда.

От шарфа исходил едва уловимый запах гари.

Белый шум

– От остановки – пять минут, район зеленый и тихий, соседи спокойные. Сантехника, газовая плита, холодильник – все исправное, мебель есть, посуда тоже. Заезжай и живи, – бодро стрекотала сотрудница агентства «Уютный уголок», предлагая Галине снять квартиру на улице Дробышева.

Кто был этот Дробышев, Галя понятия не имела, но, по всей видимости, не такой уж выдающийся гражданин, если его именем назвали крошечную кривую улочку на окраине города.

Квартира находилась в двухэтажном кирпичном доме послевоенной постройки. Из удобств имелись туалет и раковина с холодной водой, а вот горячей воды и душа не было. Проблему с мытьем каждый жилец волен был решать по-своему: хочешь – устанавливай душевую кабину и подключай бойлер, хочешь – в баню ходи по субботам, а хочешь – с тазиком упражняйся.

Мебель в квартире была древняя: недостаточно старая для антиквариата и музея, но вполне созревшая для свалки. Посуда примерно такая же. Одно правда: до остановки близко, сел на автобус – и минут через двадцать на работе. Отрабатываешь зарплату, которой только и хватит, что на эту однокомнатную конуру с кухней, где двоим тесно.

Однако Галя была оптимисткой. Осмотревшись, она бод-

ро сказала себе, что и в таких местах люди живут. Все выходные драила квартирку: окна, полы, светильники, мебель в комнате, кухонные шкафы, крошку-холодильник и плиту. Подклеила отстающие от стены обои, убрала на антресоли старые кастрюли, треснутые тарелки, чашки с отбитыми ручками и выцветшие шторы, больше похожие на половые тряпки (выбрасывать из квартиры ничего не разрешалось). Расставила на полках свою посуду, книги, милые сердцу сувениры и фотографии, повесила занавески, кухонные прихватки и полотенца. Квартира стала выглядеть обжитой и уютной.

– Бедненько, но чистенько, – вслух прокомментировала Галина и посмотрела на старинный черно-белый снимок в рамке со стеклом, который сняла со стены и убрала на дальнюю полку шкафа. – Надеюсь, вы не сердитесь.

Женщина, причесанная по моде сороковых годов, с поджатыми губами, темными, как чернослив, глазами и острым носом, смотрела строго, даже сурово. Это, видимо, и была прежняя хозяйка квартиры. Наследники (какие-то дальние родственники) после ее смерти решили не продавать, а сдавать доставшееся им жилье.

– Зато не в общежитии, все свое, – сказала по телефону лучшая подруга Настя. – На следующей неделе приду, отметим новоселье.

– Вот не жилось тебе дома, ютишься в коробке, – вздохнула мама.

Дома – это в деревне, почти в ста километрах от города.

Мама надеялась, что после окончания финансово-экономического института дочь вернется в родные пенаты, выйдет замуж за Петю Прохорова, который давно по ней сохнет, детей родит. Все как у людей. И работу можно найти – на почте, например. Там и вакансии есть.

Но Галя готова была жить где угодно, лишь бы не в медленно умирающей Осиповке, да еще и рядом с Прохоровым, который двух слов не мог связать без мата.

К новому жилищу Галина привыкла быстро. Она вообще всегда умела жить в предлагаемых обстоятельствах и не жаловаться. Приноровилась готовить на малюсенькой кухне, не обращала внимания на грозный рык холодильника, находила вполне удобным раскладывающийся диван и мыла по вечерам голову над раковиной, вскипятив чайник.

– Жить можно, – вынесла вердикт Настя, которая пришла в субботу вечером с вином и тортом, чтобы отметить новоселье.

Говорила она чуть снисходительно, с видом и интонацией королевы, забежавшей на минутку в босяцкую лачугу: Насте повезло родиться в городе, так что мыкаться по съемным квартирам необходимости не было.

К тому же зимой у нее планировалась свадьба с симпатичным (хотя, на Галин взгляд, чересчур слащавым), прекрасно образованным и, как считала Настя, перспективным парнем с хорошим будущим. Родители обещали подарить молодоженам квартиру.

Да, Насте везло во всем, но Галя не завидовала. Хотя, конечно, тоже хотела и жениха, и собственное жилье, и прочие блага.

«Ничего, все впереди», – успокоила она себя, запирая за подругой дверь.

Но вот именно сегодня впереди не ждало ничего хорошего: началась гроза, а потом отключили электричество. Ни почитать, ни в Интернете посидеть: телефон, как назло, разрядился.

Спать ложиться было рано, только-только стало темнеть, и Галина, убрав со стола и перемыв посуду, пошла в комнату, села в кресло, думая, чем себя занять. Рядом с креслом стояла тумбочка, а ней – старинный радиоприемник.

Забранный в желтовато-коричневое дерево корпус, круглые ручки, ряд белых, похожих на куски рафинада, квадратных клавиш, спрятанный под тканью динамик – радиоприемник был громоздким, как танк, и казался динозавром, по ошибке попавшим в наши дни из далекого прошлого.

Галина провела пальцами по корпусу, нажала на пару клавиш, повертела ручки, представляя, как давным-давно хозяйка этой квартиры пыталась поймать нужную волну, и была она тогда молодой, как Галя сейчас, и вовсе не такой строгой, как на той фотографии, а смешливой, полной надежд и планов.

Внезапно раздался тихий треск. Галя испуганно отдернула руку от радиоприемника и встала с кресла. Из динамиков

неслись шорохи и шипение, сквозь которые пробивался тихий свист.

«Он же в розетку не воткнут», – в смятении подумала Галя.

Сумерки сгущались, и ей стало страшно: она не понимала, как древний, наверняка сломанный аппарат, молчавший, должно быть, несколько лет, а то и десятилетий, вдруг заработал сам по себе, даже не будучи подключенным к радиоточке.

В этот момент в кухне зажегся свет: дали электричество.

«Слава богу», – подумала Галя, которая никогда ни в какого бога не верила.

Она убедила себя, что радиоприемник ожил из-за какого-то перепада, или некие волны повлияли (в физике Галина была не сильна). Готовясь ко сну, она постаралась выбросить непонятный инцидент из головы, но уже когда легла в постель и погасила лампу, поняла, что ничего еще не закончилось.

Старчески закрихтев, радиоприемник вновь принялся шипеть, хрипеть и свистеть, как больной астмой, и сквозь эту какофонию звуков вдруг прозвучало то, что заставило Галю похолодеть.

Человеческий голос! Женский голос, который пытался пробиться через помехи! Звучал он то дальше, то ближе, та-ял, но не умолкал.

Галя зажгла свет и села в постели, с опаской глядя на при-

емник. Сначала был просто страх, но потом, поняв, что ничего ей не угрожает, девушка чуть успокоилась и стала вслушиваться в слова, которые поначалу не удавалось разобрать. Галя подошла ближе, приложила ухо к динамику.

«Рай... Лес... роботы...», – вот что ей слышалось.

Женский голос твердил это раз за разом, но никакого смысла в сказанном не было. Речь о рае – том, куда попадают праведники? А лес и роба – это что, про заключенных на лесоповале? Тарабарщина какая-то.

Шипение и голос смолкли так же неожиданно, как и зазвучали. Сгинули, и воцарилась тишина. Сломанный радиоприемник снова превратился в бесполезную грудку деталей, какой всегда и был. Галя опять легла, но долго не могла заснуть, пытаясь понять, что произошло, стремясь разобраться, что означает этот набор слов.

Ответ пришел из небытия – оттуда же, откуда явилась и загадка. Когда она стала засыпать, находясь на зыбкой границе между явью и сном, в голове вдруг прояснилось, и Галя отчетливо поняла: не «рай», а Рая!

Она вскочила с кровати и подбежала к шкафу, в одном из ящичков которого лежали пожелтевшие документы, оставшиеся от прежней владелицы квартиры. Галина их не трогала, а сейчас принялась перебирать и почти сразу нашла то, что искала. Аттестат о среднем образовании, диплом об окончании медицинского училища, медицинская карточка – все эти документы были выданы на имя Раисы Лесниковой. Раи!

А вот тебе и «лес» – Лесникова!

Выходит, этим вечером с Галей пыталась поговорить умершая хозяйка квартиры! А загадочное «робы» – это же часть слова «Дробышев», название улицы, на которой находится дом!

Голова закружилась от свалившегося на нее осознания того, что она только что контактировала с женщиной, которая одиноко жила в этой квартире и скончалась много лет назад.

Почему это случилось? Не потому ли, что Галя, касаясь приемника, представляла себе его прежнюю владелицу? Чего призрак хотел от нее? Или это был вовсе не призрак, который не сумел покинуть место, где жил при жизни? Возможно, Раиса Лесникова, которая теперь обитает в загробном мире, пыталась достучаться до Галины оттуда, куда все мы уходим, умирая?

Уснула Галя под утро, слишком взбудораженная, чтобы спать. Страх почти не было – только жгучее любопытство и осознание, что она, сама того не желая, оказалась причастной к великой тайне бытия: жизни после смерти.

Следующий день не принес новых потрясений, но зато поздним вечером в понедельник радиоприемник снова включился. Теперь женский голос звучал сквозь шум более ясно, как будто его обладательница подошла ближе.

Слова на этот раз были другие. Раиса Лесникова настойчиво повторяла: «кошки», «три» и еще – «верь». Этот ребус разгадать не удалось, как Галя ни старалась, вертясь всю ночь

без сна. «Верить» хотелось, но во что? Кошек поблизости не было, а число три не вызывало ровно никаких ассоциаций.

Придя на работу с гулкой, чумной от недосыпа головой, Галя попыталась сосредоточиться на работе, углубившись в документы. И вот тут-то нашла разгадку.

Не «кошки», а Кошкина – это фамилия заказчицы. На третьей странице отчета, который готовила для нее Галя, была ошибка – грубая, ужасная; не заметь ее Галя, разразился бы скандал. «Верь», – говорила Раиса, но призывала вовсе не верить, а проверить данные!

Еле отойдя от шока, Галина переделала отчет, позже получив за него похвалу от начальника отдела. Это было невероятно, но покойная хозяйка квартиры помогла Гале с того света.

Придя домой, Галина сделала две вещи.

Достала фотопортрет Раисы, который до этого убрала с глаз долой, и вернула на законное место.

– Спасибо, – сказала она, глядя в глаза женщины на снимке, – большое вам спасибо.

Ей показалось, что взгляд Раисы стал теплее, но это, конечно, была иллюзия.

Второе, что решила сделать Галя, – попробовать задать прямой вопрос. Спросить было о чем: на прошлой неделе ей предложили работу в компании «Виктория» – молодой, но перспективной, зарплата после испытательного срока будет на двенадцать тысяч больше, чем Галя получала сейчас.

Место, где она работала, Гале нравилось, однако таких денег ей платить не стали бы, разве что через несколько лет, а тут – уже сегодня. А еще предполагалась возможность повышения в должности в ближайшем будущем.

Вроде бы все хорошо, но Галя что-то смущало.

Как раз завтра предстояло очередное собеседование, куда Галина хотела успеть сходить в обеденный перерыв, чтобы не отпрашиваться, не врать, куда и зачем она идет.

– Стоит ли мне соглашаться на новую работу? – спросила Галя, подойдя к радиоприемнику.

Коснулась клавиш, бережно повернула ручку.

Долгое время ничего не происходило, а после послышалось уже знакомое гудение, что-то засвистело, зашуршало, и женский голос явственно произнес: «Лариса. Угол. Плач», повторив это еще несколько раз, словно желая, чтобы Галя запомнила правильно. Девушка запомнила, а еще каким-то чутьем поняла, что сейчас искать отгадку бесполезно: она сама найдет Галю.

Так и вышло. Подойдя к зданию офиса «Виктории», заходить в дверь Галина не стала. Вместо этого зашла за угол. Там оказался тихий дворик, куда сотрудники выходили покурить, поболтать, выпить кофе в хорошую погоду.

Галя почти не удивилась, увидев сидящую на лавочке девушку. Та плакала, уткнувшись в платочек. Галя подошла ближе, села рядом, попыталась успокоить рыдающую девушку, тут и выяснилось, что она – сотрудница «Виктории».

Устроилась три месяца назад и сто раз пожалела.

Оказывается, во время испытательного срока тут платят копейки, а когда он заканчивается, сотруднику говорят, что работал он плохо, обещанной зарплаты не достоин. Из милосердия увольнять не будут, однако платить станут примерно те же крохи. А не хочешь – уходи. Свято место пусто не бывает.

– Здесь текучка страшная, вынуждают работать за гроши. Да еще начальник под юбку лезет, а его заместитель постоянно на всех орет. Что делать, ума не приложу, на старую работу не возьмут: на мое место нашли человека, – жаловалась девушка, которую, как и следовало ожидать, звали Ларисой.

На собеседование Галя, шокированная услышанным, разумеется, не пошла. «Бог отвел», – подумала она, а потом сказала себе, что благодарить ей следует не Всевышнего, а Раису, дотянувшуюся к ней из вечности, чтобы уберечь от опрометчивого поступка.

Галя вытащила сотовый, нашла нужный номер.

– Где похоронена Раиса Лесникова? – поздоровавшись, спросила она женщину-риелтора, которая сдала ей квартиру.

– Это кто еще? – удивилась та.

Галя объяснила.

– Откуда я-то знаю? Да и зачем мне эта информация?

А вот Гале она была нужна, и девушка ее добыла. Покопавшись все в той же стопке документов, нашла свидетельство владельца захоронения, выданное родственнику Раисы.

Там был номер участка на городском кладбище, и уже в ближайший выходной Галина отправилась туда.

Раиса Лесникова покоилась в скромной могиле за низенькой оградкой. Покосившийся крест, вытертая табличка, вросшая в землю скамейка. За могилой давно никто не ухаживал, и Галина целый день полола сорняки, красила, а еще заказала новую табличку с датами рождения и смерти. Это была ее благодарность ушедшей в мир иной женщине, которая уже дважды помогла ей, как никто из ныне живущих.

– погоди, ты всерьез в это веришь? – округлила глаза Настя, когда Галя не выдержала и поделилась с ней, рассказав о произошедшем.

– А как не верить? – в свою очередь изумилась Галя.

Подруга скептически посмотрела на нее.

– А пускай тогда твоя Раиса мне тоже что-то скажет!

– Что значит – «пусть скажет»?

– То и значит. Ты спроси, а она ответит.

Поначалу идея показалась Галине дикой: это же не цирк, она не фокусник, а покойница, говорящая с того света, – не забавная зверушка. Но потом Галя подумала, что можно попробовать, хотя бы ради эксперимента. Кому от этого хуже?

Устраивать шоу для Насти (под пристальным взглядом Раисы с фотографии на стене) Галя не стала. Просто узнала, о чем хочет спросить подруга, и вечером задала этот вопрос.

Сквозь свист и шорох прозвучало всего одно слово: «Злотников».

Его она и передала Насте.

– И что это должно означать? – усмехнулась та. – Буду я счастливой в браке или нет?

– Откуда я знаю? – обидевшись за Раису, огрызнулась Галя. – Это же твой жених, я его и видела всего несколько раз в жизни! Ты должна сама подумать. Но любое слово всегда что-то значит, это не просто так!

Они чуть не поссорились, раздосадованная Галя повесила трубку. Зря поделилась – ее же и выставили полной идиоткой. А уже среди ночи Галину разбудила рыдающая Настя.

– Гад! Скотина! – сквозь слезы говорила она в трубку. – А я еще ему верила! Замуж чуть не вышла за этого подонка!

Как выяснилось, вечером Настя с женихом отправились в кафе. Парень отлучился в туалет, позабыв сотовый на столике, и, пока его не было, на мобильный позвонили.

Звонил «Злотников», и заинтригованная Настя, не раздумывая, ответила на вызов. Не успела сказать «алло», как на том конце защебетал милый голосок, вопрошающий, когда ждать «ее барсика».

Выяснилось, что «Злотников» – это Злата, с которой жених Насти встречался уже третий месяц. Дальше все ясно, рассказывать нечего.

– Спасибо, – охрипшим, глухим голосом проговорила Настя. – А то вышла бы за этого урода, а он бы мне изменял направо-налево.

– Это Раисе спасибо, – тихо ответила Галя, потрясенная

случившимся не меньше Насти.

– Галка, а ведь ты у нас теперь пророк. Экстрасенс! – В словах и интонациях Насти звучала вовсе не ирония, а благоговение. – С мертвыми разговариваешь, они тебе тайны сообщают! Это же так круто!

– Брось, – неуверенно ответила Галя, но сама уже понимала: доля истины в этом есть. Жизнь ее изменится. Не может не измениться после такого.

– Ты можешь предсказывать будущее, помогать людям находить ответы! – говорила Настя, а Галя укреплялась в мысли, что, возможно, подруга права.

Не в бухгалтерии же сидеть до пенсии!

Может, в этом и состоит ее миссия?..

Прошло три с половиной года.

Галина, стоя в прихожей, окинула себя довольным взглядом. Прическа, сделанная в дорогой парикмахерской, неброский макияж, стильное пальто и модные сапоги – все же это так много значит. Встречают по одежке.

Настя, которая, кстати, переехала в Канаду, дала ей правильный совет: необходимо помогать нуждающимся. То, что этих нуждающихся десятки и сотни, выяснилось очень быстро.

Галина нигде не давала рекламу, не пыталась искать страждущих – они находили ее сами, советуя «ясновидящую» друг другу. Хотя правильнее было бы называть Галину

«яснослышащей», потому что советы и прогнозы она слышала от Раисы.

Та ни разу не ошиблась, не дала неверного ответа, а Галина, набираясь опыта, понимала свою собеседницу с того света все лучше и лучше. Со временем она стала вести себя как заправский психолог: подолгу беседовала с людьми по душам, выясняла, как складывается их жизнь, а узнав, формулировала вопросы четко и конкретно, помогала разобраться с ответами, если это требовалось.

Поначалу денег Галина за это не брала. Ее благодарили, дарили подарки – так, по мелочи, но месяца через два, когда поток желающих получить ответы на сложные вопросы увеличился, Галя поняла, что ее жизнь делится на две части: в будни она торчит в офисе, вкалывая за гроши, а вечерами и все выходные принимает посетителей, пытаясь им помочь.

– Надо это монетизировать, – решительно сказала однажды Настя, увидев бледную от недосыпа и постоянного стресса, измученную подругу, и Галина, смущаясь и краснея, стала называть цену.

Потом смущаться перестала, хотя стоимость услуг ее возросла с той поры в десятки раз. И ничего, количество клиентов лишь постоянно росло. Чтобы не ссориться с контролирующими органами, пришлось зарегистрировать ИП. Галя сняла красивый офис в центре города, а через год у нее даже секретарша появилась.

Со старой работы Галина давно ушла, полностью посвя-

тив себя новому делу, которое быстро стало приносить плоды – да такие, что мать в деревне только охала и причитала, как бы Галку не пристукнули, как она выражалась, «бандиты-рэкетеры».

Один чрезвычайно благодарный клиент, несколько раз обращавшийся к ней за консультацией, подарил за услуги автомобиль. Второй помог взять ипотеку под низжайший процент, третий заплатил столько, что она смогла внести первый взнос.

Сейчас квартира уже принадлежала ей, хватило средств и на ремонт, и на мебель. Крошечную квартирку Раисы Галина продолжала снимать, хотя необходимость в жилье отпала.

Была мысль выкупить ее у родственников или хотя бы вывезти оттуда радиоприемник, однако в итоге Галина решила этого не делать: возможно, общение с усопшей могло происходить только на ее территории! Квартиру же эти чудики упорно продавать не желали: то ли никак не могли договориться, кто кому сколько должен в случае продажи, то ли еще что.

Поэтому Галя оставила квартиру за собой и ничего не меняла в обстановке, лишь замок дорогуший, зато надежный врезала на всякий случай. Появлялась на улице Дробышева ежедневно: приходила проводить сеансы.

На могиле Раисы Лесниковой Галина поставила шикарный памятник, установила ограду из чугунного литья, часто ходила туда и приносила свежие цветы.

Жизнь шла своим чередом и была прекрасна. Дело, которым она занималась, Галине нравилось, а в прошлом году она встретила Андрея и влюбилась без памяти. Что особенно приятно, это было взаимно. Андрей знал, кто она, чем занимается, но не боялся ее дара, а она втайне радовалась. значит, ему нечего скрывать!

Сейчас Галя как раз шла на встречу с ним, пребывая в отличном настроении. Ровно до того момента, как увидела ту женщину.

Однажды они уже встречались: Галя на днях столкнулась с ней возле дома на Дробышева: незнакомка, судя по всему, караулила ее возле подъезда, потому что, едва увидев, вскочила с лавки, на которой сидела, и бросилась наперерез.

– Вы называете себя ведуньей, но вы не правы! – сходу заявила женщина. Кое-как причесанная, встрепанная, как воробей после дождя, нелепо одетая.

– Что вам нужно? – спросила Галя, испугавшись ее горящего взора и экзальтированного тона. – Кто вы такая?

– Неважно. Просто... человек и все. Послушайте, нельзя говорить с мертвыми. Нельзя воображать, что управляешь ими. Нельзя перемешивать смерть и жизнь. Нельзя...

Галина не стала слушать, чего еще нельзя. Вырвалась из цепких объятий сумасшедшей и пошла прочь.

Но сегодня женщина явилась снова – и это уже серьезнее. Получается, чокнутая дамочка знает, где Галя живет! Когда та подошла, Галина спросила:

– Вы меня преследуете? – Быстро вытащила телефон и начала снимать, продолжая говорить: – Вы подкараулили меня возле квартиры, которую я арендую, теперь вы возле моего дома, я передам это видео в полицию! Вы мне угрожаете, и...

– Угрожаю? – незнакомка несказанно удивилась. – Нет же, вы что! Я хочу предупредить! В прошлом я медиум, но... – Она замялась. – Давно уже ничем таким не занимаюсь. Знаю, вы считаете себя проводником, общаетесь с ушедшими. Но это не так безопасно, как вы полагаете! Нельзя переходить грань, тревожить их. Вы совсем не знаете законов того мира! Пригласили гостя, открыли дверь, но понятия не имеете, кто в нее войдет в следующий раз.

– Я как раз отлично знаю, с кем общаюсь, – от неожиданности ответила Галя, опустив телефон, хотя совершенно не собиралась вступать в дискуссию.

– Ничего вы не знаете! – горячо проговорила женщина. – И должны немедленно прекратить свои опыты, пока не стало слишком поздно! Сказать, что вы на самом деле делаете? Кричите в темноту и понятия не имеете, кто отзовется на ваш зов!

С этими словами она отвернулась от Галины и пошла прочь. Галя не успела возразить или ответить что-то, но не бежать же следом.

В ресторан она пришла поникшая, встревоженная, и Андрей сразу заметил это, поинтересовался, в чем дело.

– А если она опасна? – закончив свой короткий рассказ,

спросила Галина. – Вдруг квартиру на Дробышева подожжет или еще что-нибудь сделает?

Она ждала сочувствия, понимания, но Андрей вместо этого спросил:

– Ты не думаешь, что она может быть права?

Галина, которая делала глоток из хрустального бокала, поперхнулась вином:

– Что? О чем это ты?

– Не сердись, – поспешно сказал он. – Но в твоей связи с покойницей есть что-то жутковатое. Ты же и сама раньше побаивалась.

– Раиса всегда давала мне мудрые советы. И всем остальным только помогала, – отрезала Галина.

– Пусть так. Но если она способна выйти на связь, то это может сделать кто угодно. Пройти по проторенной дорожке – а тут ты. – Он взял девушку за руку. – Не думаешь, что пора прекратить это? Люди с их тяжелыми судьбами, проблемами, бесконечными вопросами... Денег ты немало заработала, я тоже человек далеко не бедный, мы поженимся, ты сможешь заняться чем-то... тем, что тебя по-настоящему интересует. Чем-то созидательным.

Он хотел продолжить, но Галина вскипела. Выпитое на голодный желудок вино, наверное, в голову ударило.

– А если меня интересует именно это? Хочу помогать другим. «Созидательным»! – передразнила она. – Слово-то выискал! А я, по-твоему, разрушаю?

– Не обижайся. Я лишь подумал, ты же с детства не о таком мечтала. Училась на экономиста, значит, это было важно для тебя.

– Перестань! Ты понятия не имеешь, что для меня важно, тебе плевать! Просто страшно видеть рядом... – Галина запнулась, подбирая слово, и воспользовалась почему-то определением той сумасшедшей: – Ведунью! Я не такая, как ты! Как все вы! Я смогла наладить контакт с миром мертвых, а тебе такое не под силу. Никому не под силу!

– Галя, я же не оспариваю тот факт, что ты особенная.

– Да! Я особенная, а тебе подавай попроще! Или ты боишься, что я узнаю твои тайны? Кстати, мне это ничего не стоит! Вот прямо сейчас пойду, и Раиса все мне расскажет, будешь у меня как на ладони! Все, кто ко мне приходят, вот они у меня где! – Галина сжала ладонь в кулак и потрясла им в воздухе.

Где-то в дальнем углу сознания прежняя застенчивая, робкая Галя в ужасе качала головой: «Что ты несешь?!» Но новая Галина не желала слушать. Она чувствовала себя сильной, всемогущей, желала доказать это сидящему перед ней мужчине.

Они поссорились. Впервые серьезно поругались со дня знакомства. Утром, проснувшись, Галина сама не могла понять, из-за чего так разъярилась. Наверное, та кликуша расстроила ее, вот она и разошлась, наговорила лишнего. Надо бы позвонить, извиниться... позже.

День был плотно расписан. Две встречи с клиентами: одна первичная, вторая повторная. А потом нужно ехать на Дробышева, проводить сеанс.

Первая клиентка была сложная. Тут без помощи Раисы не обойтись, ситуация запутанная. А с девушкой, что явилась повторно, все гораздо проще.

Галина давно уже далеко не с каждой мелочью обращалась к Раисе. Часто, хорошенько разузнав все о клиенте, проанализировав, могла дать совет и сама, разумеется, никому, никогда не говоря о таком, приписывая свои суждения оракулам из иного мира.

Что сложного, например, ответить: выходить ли девушке замуж за условного Васю? Галина сообщала искательнице три тщательно продуманных слова. Скажем, «встреча», «сердце», «сама». А потом говорила клиентке, что решение предстоит принять именно ей, никого нельзя слушать, только лишь свое сердце. А опираться надо на то, что ты подумала об этом человеке, увидев его впервые.

Далее есть два варианта. Или влюбленная девушка решит, что она сразу, увидев Васю, поняла: вот ее судьба! Побежит в ЗАГС, а там уж как сложится. Или, если у нее есть сомнения, сама себя убедит: Вася сразу ей не глянулся, так что замуж за него лучше не ходить. Тогда свадьбы не будет, а последствия опять-таки туманные (во всяком случае, отдаленные).

Решение принимает в любом случае девушка, Галина тут ни при чем. А деньги уже в кармане.

«Это мошенничество», – шептал иногда внутренний голос.

Но Галина его обрывала: зачем из-за ерунды тревожить потусторонние силы? А если случай сложный, спорный, она так не поступает, по-честному спрашивает.

Сегодня ей предстояло выйти на связь с Раисой и спросить, нужно ли клиентке соглашаться на операцию дочери. В маленькой квартире все было по-старому, разве что стояла кофе-машина.

Галина вымыла руки, сварила себе кофе, медленно выпила его, смакуя каждый глоток, успокаиваясь, а потом, почувствовав, что готова, проделала привычные манипуляции.

Сосредоточилась, сделала пару глубоких вдохов. Коснулась корпуса радиоприемника, повернула ручки, пробежалась пальцами по клавишам, мысленно прокручивая в голове вопрос, и стала ждать ответа.

Минуты текли, но старый радиоприемник молчал. Никакого белого шума – помех, шипения. Никакого голоса на этом фоне. В эфире – тишина, давящая, как могильная плита. Более чем за три года ничего подобного не было ни разу.

Галина ждала больше часа.

Сварила еще кофе, попробовала снова, стараясь не поддаваться панике. Никакого результата. Убеждая себя, что просто перенервничала, находится не в том настроении, Галина уехала домой.

Хотела позвонить Андрею, но передумала.

Назавтра вновь были встречи с клиентами – и повторные, и с новичками. Как назло, вопросы задавали сложные, самой не выкрутиться.

Вечером Галина опять отправилась в старую квартиру, где изо всех сил пыталась наладить разорвавшуюся связь с оракулом, но ничего не вышло.

Не получилось и на следующий день. И еще через два. Раиса не желала общаться. Клиенты недоумевали, торопили, злились. Секретарша устала выкручиваться и прикрывать шефию.

Галина, которая находилась уже на грани отчаяния, решила предпринять последнюю попытку и переночевать в квартире Раисы, вспомнив, что в самом начале покойница выходила на связь сама, среди ночи.

Спать Галя не собиралась, но диван – скрипучий, жесткий, совсем не такой, как ее шикарная кровать, – разложила. Попробовала позвать Раису, уже и не надеясь на благоприятный исход, а когда вновь ничего не добилась, легла, не раздеваясь, и устала в потолок.

Давно стемнело: зимой ночь наступает ранним вечером.

Люди расходились по своим квартирам, звуки дня постепенно угасали.

Старый радиоприемник включился, когда электронный будильник показывал четверть первого. Треск и шипение раздались внезапно, а еще (такого никогда не было) загорелись какие-то лампочки, аппарат озарился иллюзорным зе-

леноватым светом.

Галина вскочила с дивана и подошла к приемнику. Внутри него свистело, гудело, и Гале показалось, что звуки складываются в подобие мелодии. Прислушиваясь, она наклонилась над приемником, тронула ручку.

Ожидала услышать знакомый голос, но вместо этого все вдруг разом стихло. В наступившей тишине кто-то за ее спиной произнес:

– Ты хочешь знать ответы?

Галя замерла. Стояла и боялась обернуться. В маленькой квартирке никого, кроме нее, быть не могло – и все же некто явился глубокой ночью.

Тот, кого она настойчиво призывала сама! Вернее, та: голос был отлично знаком Галине, все эти годы он доносился из старого приемника, пробиваясь сквозь шумы.

– Что молчишь? – спросила Раиса. Голос звучал мягко, доброжелательно. Впервые Галя слышала его без помех. – Почему не смотришь на меня?

Галина медленно обернулась, стараясь унять дрожь. Это ведь Раиса! Да, она мертва, но она не желает Гале зла, никогда не желала.

У стены, прямо под фотопортретом, стояла женщина. Лунный свет, струящийся в окно, освещал невысокую, хрупкую фигуру. Галина ясно видела старомодное платье, туфли на невысоком каблуке, забранные на затылке волосы.

– Узнаешь меня?

– Да, – кивнула Галина.

Ночная гостья растянула губы в широкой улыбке, рот приоткрылся, зияя черным провалом. Она стояла неподвижно, с опущенными вдоль тела руками, но кисти ее, бледные, с неестественно длинными пальцами, похожими на паучьи лапы, непрестанно шевелились, сжимались и разжимались. Отчего-то казалось, что женщине тесно, неловко в собственном теле. Будто тело это вовсе не ее, а одолженное на время. Неотрывно глядя на уродливые руки посетительницы, Галина ясно поняла: перед нею вовсе не Раиса.

Но кто тогда?

«Нельзя переходить грань, тревожить их... Вы открыли дверь, но понятия не имеете, кто в нее войдет в следующий раз», – вспомнились Гале слова бывшего медиума.

Кого же она впустила по глупости?

– Что молчишь? – Голос внезапно исказился, став похожим на змеиное шипение. В нем зазвучало многоголосое эхо. – Спрашивай! Мы так хорошо понимали друг друга.

– Не хочу, – тихо ответила Галина. – Мне больше не нужны ответы. Ты не Раиса!

Существо зашлось мелким, дробным смехом, тело его резко изогнулось, голова вывернулась. Галина отпрянула. Принявшее облик покойной хозяйки квартиры создание сделало шаг вперед.

– Ты умница, показала путь, открыла проход. Мы поладим, – все тем же хрипящим, вибрирующим голосом прого-

ворило оно. – Мне известны ответы на любые вопросы. Ты станешь еще богаче, сможешь исполнить свои желания, получишь власть. Ты же этого хочешь? Быть особенной, иметь власть над другими?

Еще шаг. Галина смотрела на колышущийся, извивающийся, все более теряющий человеческий облик силуэт.

– Взамен я возьму малость! – хихикая, потрясло ладонями существо. – Такую малость, что, лишившись ее, ты и не заметишь. Она тебе только мешает, внушает угрызения совести, не дает спокойно спать по ночам, делает слабой.

«Оно хочет мою душу», – отстраненно подумала Галина.

Допятившись до противоположной стороны комнаты, она теперь прижималась спиной к радиоприемнику.

– Деньги, красота, влияние! Андрей всегда будет есть с твоих рук, а захочешь кого-то другого – получишь. Это выгодная сделка!

Голос сделался мягким и бархатистым, но в то же время алчным.

– Соглашайся!

– А Раиса? – внезапно спросила Галина.

– Что «Раиса»? – Существо не ожидало вопроса и замерло в шаге от нее.

– Я ведь говорила с ней.

– Ах, ты об этом...

Жуткое создание выпрямило спину, разом став выше ростом, почти касаясь головой потолка. Оно выросло из тела

Раисы, нависнув над Галиной.

– Ты уже давным-давно говоришь со мной, а не с нею! Да и до того ты говорила с Раисой редко, тебе отвечали многие, желающих пообщаться с вашим миром полно! Конечно, ты этого не поняла. – Раздался утробный смешок. – Ну, а в последнее время рядом только я, всех остальных разогнал. Теперь ты моя! Поняла, как сильно нуждаешься во мне? Поняла же за эти дни, убедилась, что без меня у тебя ничего нет – ни клиентов, ни денег, ни репутации?

– Я хотела помогать... – пискнула Галина.

– Разве что в самом начале, но уже давно хотела отнюдь не этого. От меня не может быть тайн, запомни, – снисходительно проговорило существо. – Я читаю тебя, как не слишком умную книгу. Соглашайся, и мы продолжим к обоюдной радости, только ты будешь действовать с открытыми глазами.

– А люди, которые придут за советом? Которые приходили?

– Они его получали, верно? – Существо наклонилось к ее уху. – И будут получать. Это их выбор. Дальнейшее тебя не касается. Соглашайся. Скажи: «Да!» И все станет проще.

На короткое мгновение ответить согласием захотелось настолько сильно, что Галя едва сдержалась. Искушение было так велико, что внутри все заняло от предвкушения грядущего наслаждения сказочными благами.

«А как же они – те, кто ко мне обратятся? Что будет с

ними?»

Галина никогда не считала себя верующей в бога, но в то, что на другой стороне что-то есть, убедилась воочию. Как и в том, что это может быть темная сторона, а еще в том, что выбор всегда есть – ведь явившийся к ней демон (или кем он там был), сам сейчас сказал об этом.

– Конечно, я выберу, – громко проговорила Галина. – Давно пора было.

Резко развернувшись, она уперлась обеими руками в радиоприемник и, поднатужившись, столкнула его на пол. Аппарат, каким-то чудом превратившийся в портал, свалился с тумбочки с оглушительным грохотом. Соседи снизу, наверное, проснулись, подскочив в кроватях.

Что ж, придется им еще немного потерпеть.

Галя схватила тяжелый подсвечник, который стоял тут же, на столике, и принялась колотить им по корпусу, безжалостно разрывая тканевую обивку, круша динамики и рабочую панель.

– Я достаточно ясно отвечаю? – кричала она при этом. – Надеюсь, сомнений в моем выборе быть не может?

Каждую секунду девушка ждала, что ей помешают, но этого не случилось. Галина остановилась, когда радиоприемник превратился в кучу обломков. В комнате никого, кроме нее, не было. Существо, предлагавшее ей все блага взамен на короткое «да», пропало.

Утром Галина стояла возле двери, снова и снова нажимая

на кнопку звонка.

– Это я, – сказала она, когда Андрей появился на пороге.

Было шесть утра, он недавно встал и собирался на работу.

– Вижу. Я звонил тебе много раз, ты не брала трубку.

Галина прикрыла глаза, потрясла головой.

– Радиоприемник на свалке. Я позвонила риелтору и сказала, что не буду продлять договор аренды. Никогда не вернусь в ту квартиру, никаких больше предсказаний, с этим покончено.

Он выглядел озадаченным.

– Но буквально на днях ты...

– Была дурой. Самовлюбленной, жадной, ничего не смыслящей в важных вещах дурой. Но люди меняются. Признают ошибки и могут стать лучше. Ты в это веришь?

Андрей улыбнулся, глядя ей в глаза.

– Конечно, – ответил он. – Конечно, верю.

Время играть

Наверное, я сразу понял, что не стоит в это ввязываться. У вас так бывает? Вроде ничего не предвещает беды, а что-то внутри тебя шепчет: «Добром это не кончится!» Тонкий такой голосок, тихий... Так просто – взять и не услышать, так легко отмахнуться. Вот и я отмахнулся.

Было тринадцатое октября, День Осени. В нашем университете его всегда отмечают: сокращенные пары, концерт, а после то, что преподаватели чопорно называют «праздничным вечером».

Все началось, когда этот самый вечер был уже в разгаре. Желаящие затарились выпивкой, преподы ушли (у них свои радости), а музыка звучала все громче и громче.

Я стоял возле стены в огромном полутемном зале и размышлял: уйти или еще рано? Липатов, сокурсник и сосед по комнате в общежитии, куда-то подевался, и вот тут подошел Марк. Самый крутой парень в университете, настоящая звезда, внешне чем-то напоминает Бреда Питта в молодости, ездит на дорожке машине. Одни говорят, что у него отец как-то важная шишка, другие – что он торгует наркотой или делает еще нечто незаконное.

Марк собрал вокруг себя свиту, которая смотрит ему в рот и всюду за ним таскается. В том, что он подошел ко мне и заговорил, было что-то фантастическое. Я даже огляделся

по сторонам: ко мне он обращается или нет? Но дальше начался просто космос, потому что Марк сделал глоток пива и небрежно спросил, не хочу ли я вступить в игру.

– Заметь, я не всем предлагаю. Но мне сказали, ты неплох. У тебя может получиться.

Ему сказали! Сказали обо мне! Да еще и похвалили, и он прислушался!

Лихорадочно думая, что ответить, чтобы не опозориться, я прочистил горло и спросил, что за игра, какие правила.

– Правила предельно простые. В игре три раунда. Если успешно пройдешь хотя бы один, выигрываешь. Если не получилось ни разу – выбываешь. Согласен?

Конечно, я был согласен! Неужели кто-то отказался бы, очутившись на моем месте? Но, с другой стороны, что там за раунды? Облизнув пересохшие от волнения губы, я задал этот вопрос вслух.

– Обычные детские игры. Салки, прятки, жмурки. У каждого игрока – своя игра. Тебе скажут, что и когда нужно делать.

– Детские игры? – Улыбка у меня вышла кривая и неуверенная.

Скорее всего, Марк все же решил поиздеваться. Сейчас я соглашусь, а его дружки явятся откуда ни возьмись и поднимут меня на смех. Марк, видимо, понял по моему лицу, что я сомневаюсь, и сказал:

– Запиши телефон. Захочешь играть, дай знать. – Он про-

диктовал номер. – Реши сегодня до десяти часов. Нет так нет. Но если откажешься, будет жаль. Тому, кто выиграет, как говорится, почет и уважение. – Марк вдруг подмигнул. – Учеба станет в радость, как сказал сегодня наш уважаемый ректор.

Не произнеся больше ни слова, Марк удалился, а его хохочущие дружки так и не появились. Значит, он говорил всерьез. Быть может, это что-то вроде посвящения для вступления в клуб избранных, поэтому предлагают не всем. Липатову, например, никто не предложил. Выходит, меня выбрали?

Короче, горделивые мысли, что я смогу войти в некую университетскую элиту (как показывают в голливудских фильмах), подтолкнули меня к тому, что уже через полчаса, выйдя из здания, я набрал номер Марка и объявил о согласии. Да и эти полчаса еле выдержал, велел себе выждать для солидности, чтобы не напоминать собачонку: ее поманили – она и побежала.

– Отлично. Ты сделал правильный выбор, – немного пафосно произнес Марк. – Скоро с тобой свяжутся. Но имей в виду, что после того, как ты согласился, отказаться от участия нельзя.

Это прозвучало немного зловеще.

Я ни с того ни с сего вспомнил, как во время нашего разговора свет от крутящегося под потолком серебряного шара падал на лицо Марка неровными бледными полосами, отчего оно казалось неживым, ненастоящим, будто маска, и мне по-

чему-то стало страшно. Вот в этот-то миг и захотелось отказаться, подумалось, что лезть в это не нужно, но я, конечно, отбросил тревожное ощущение и подтвердил свое согласие.

Марк сообщил, что игра длится всего сутки, причем отсчет начинается в тот момент, когда я дал согласие. То есть с десяти вечера до двадцати двух ноль-ноль следующего дня.

Липатов пришел в общагу позже меня, пьяный в дрова, рухнул в кровать и захрапел. Мне пришлось вставать и запира́ть дверь – именно поэтому я точно знаю, что ночью никто в нашу комнату не входил.

Я подумал было, что это Липатов положил мне под подушку записку (тоже мне, Зубная Фея!), но он и после звонка будильника спал так же крепко, широко разинув рот, распространяя вокруг себя такое амбре, что хоть топор вешай, как говорит моя бабушка. Да и сон у меня чуткий, я проснулся бы, вздумай кто-то шарить у меня под подушкой.

И тем не менее записка там была. Вечером, когда я расправлял постель, ее не было, а теперь я держал в руках лист плотной белой бумаги, на котором печатными буквами было написано: «Игра первая. Сифа. Задача противника – задеть вас при помощи избранного предмета, ваша задача – не допустить этого».

Я перевернул лист, на обратной стороне – ничего.

В сифу мы в школе играли. Стоило кому-то после звонка проорать: «Сифа», как все начинали кидаться чем-то грязным, противным – испачканной мелом мокрой тряпкой или

жеванной бумагой. Главной задачей было уклониться, чтобы «сифа» не коснулась тебя. Но в данном-то случае что это за «избранный предмет»? Кто должен его выбрать? Видимо, другой игрок.

Так ничего и не сообразив, я ушел умываться и чистить зубы. Всю дорогу до университета ждал, когда кто-то подбежит ко мне и бросит что-то, но так и не дождался. Мне вообще стало казаться, будто все это шутка, глупость. Какая игра? Да еще и в «сифу»!

Началась лекция по истории. Целых две пары скучного до зевоты бормотания, тоска зеленая, но сегодня я даже не пытался ничего записать, да и в сон не клонило: надо подготовиться к семинару по философии. Я, конечно, читал, но требовалось повторить.

Фамилия нашего преподавателя Лютиков. «Лютиком» его не называли – звали «Лютым». Про него в универе ходили легенды: на экзаменах валил всех подряд, народ пересдавал раз по пять, многих в итоге отчисляли.

Раз в месяц Лютый проводил на семинаре контрольный тест. В каждом семестре – четыре теста; если не сдать два из них, к сессии он не допускал. Первый я с грехом пополам сумел сдать (нас, счастливыхчиков, было меньше половины группы).

Так что лекцию по истории не писал никто, все зубрили. Игра, конечно же, вылетела у меня из головы. На перемене мы ждали Лютого и обсуждали, кто что знает, как собирается

сдавать.

Я шпорами пользоваться не умел, поэтому надеялся, что в голове хоть что-то отложилось, но большинство подготовилось основательно. Одни написали основные термины прямо на руках и прятали написанное под длинными рукавами. У других в арсенале были крошечные шпоры, укрытые в самых неожиданных местах: специально пришитом кармане юбки, в футляре для очков или в колпачке от авторучки. Некоторые оптимисты надеялись воспользоваться телефоном.

Сильнее всех тряслась Корнеева – маленькая, с писклявым голоском и огромными глазами навывкате (некоторые умники дразнили ее «пучеглазой»).

Корнеева тоже жила в общежитии, приехала из глухой деревни. Училась плохо, предыдущий тест написала хуже всех в группе, и Лютый, кажется, находил особое удовольствие в том, чтобы третировать ее, при каждом удобном и неудобном случае сообщая, что экзамена Корнеевой не сдать.

– А я не могу вылететь, – чуть не плакала Корнеева. – Не могу домой вот так вернуться! Мать убьет!

Она написала целую портянку и прилепила с внутренней стороны столешницы.

– Зачем так много настрочила? – спросил Липатов. – Спалит же.

Корнеева забормотала про плохую память, и тут вошел Лютый. Первым делом распорядился сложить сумки на задние ряды.

– При себе – только ручка. Ничего, никаких телефонов на партах! Листочки я дам, на каждом стоит моя подпись.

Каждый сел за отдельный стол, по двое нельзя. Хорошо еще, что на свое усмотрение пересаживать не стал. Тест был у каждого индивидуальный, Лютый сидел за столом, время от времени поглядывая на студентов. Через полчаса народ начал расслабляться, доставать потихоньку заготовки.

Я порадовался, что мне хоть на это нервы убивать не нужно. Да и вопросы были не такие уж сложные.

Гром грянул за двадцать минут до окончания пары. Лютый поднялся в полный рост и объявил, что начинает проверять всех на наличие шпаргалок.

Мои несчастные одноклассники по его требованию закатывали рукава, выворачивали карманы... Лютый обыскивал парты, осматривал спинки стульев, куда можно было жвачкой прилепить лист бумаги.

Уберечься от зоркого ока не удавалось почти никому, то и дело слышалось злорадное: «Покиньте аудиторию. Не зачтено». У меня, разумеется, ничего не обнаружилось, и Лютый прошел дальше. Сердце билось в груди птицей с переломанными крыльями, хотя меня ни в чем уличить не могли.

Немного придя в себя, я огляделся и увидел, что бедолага Корнеева, сидящая в соседнем ряду, делает мне какие-то знаки. Белое лицо ее было перекошено от ужаса, губы тряслись. Ей было решительно некуда деть свою огромную шпаргалку, до казни оставались мгновения...

Лютый подходил все ближе. Корнеева скатала свою шпору в шарик – точнее, это был внушительный ком, похожий на снежок. Мне пришло в голову, что она могла бы съесть шпору, но до такого Корнеева не додумалась.

Лютый обыскивал парня, сидящего перед нею.

Корнеева умоляюще произнесла одними губами:

– Помоги!

Я сразу понял, о чем она просит. Мой ряд уже обыскали, если она бросит мне бумажный шар, то я смогу поймать его и спрятать, второй раз Лютый меня осматривать не станет, а у нее ничего не найдут. Размышлять было некогда, счет шел на секунды, и я кивнул.

Улучив мгновение, Корнеева ловко перекинула мне шпору и отвернулась. Лютый долго пыхтел, но так ничего у нее и не нашел. Экзекуция окончилась, а вскоре прозвенел звонок. Я увидел, как Корнеева подходит ко мне, приготовился принимать благодарность за спасение утопающего, но она удивила.

Приблизившись почти вплотную, улыбнулась и посмотрела мне в глаза. В улыбке этой не было и тени смущенной признательности, лишь жадное, неприкрытое торжество.

– Ты проиграл, – проговорила она. – Я победила!

– Что? – Я все еще не понимал, хотя и начал уже догадываться.

– Сифа! Ты тоже игрок. Я выполнила задание! – Голос ее вибрировал от восторга, лицо казалось неприятным, ка-

ким-то лягушачьим. Прежде я этого не замечал.

– Я же тебе помог, – растерялся я. – Как ты...

– А вы тут все думали, я просто пучеглазая дура, корова деревенская? Так меня называли, думали, не слышу? – Глаза налились ненавистью. – А я и тест сдала, и тебя, умника, обыграла!

Девушка толкнула меня плечом и пошла прочь. Я смотрел ей вслед. Произошедшее казалось диким, я был больше потрясен яростной злобой, направленной на меня, чем проигрышем в непонятной игре.

Словно почувствовав мой взгляд, Корнеева обернулась у самой двери и проговорила, немного смягчившись:

– Соберись. Игра – серьезное дело. Если проиграешь... – Она запнулась. – Короче, приложи все усилия.

Корнеева давно вышла из аудитории, а я все стоял, как пень посреди леса. Потом наконец сложил в сумку тетради, достал телефон и увидел новое сообщение. Номер отправителя был незнакомый. Мне лаконично сообщали: «Итог первой игры: поражение. Ожидайте уведомления о начале второй игры».

По расписанию у нас была еще одна лекция. Я вышел в коридор, сам не зная, что собираюсь делать. Идти в аудиторию и сидеть там, как ни в чем не бывало? Вернуться в общагу? А может, пойти куда-то выпить пива, чтобы успокоиться?

Я стоял, а все шли мимо, спешили куда-то с озабоченными лицами. У окна веселилась компания ребят, парень с

длинными волосами рассказывал что-то, размахивая руками, а все остальные помирали со смеху. Я вдруг понял: они все – отдельно, а я – отдельно.

Потому что я в игре, что бы это ни значило.

– Привет, – услышал я и обернулся.

Лина. Я обратил внимание на нее еще на вступительных экзаменах. Это была самая красивая девушка, которую мне доводилось видеть. Она училась в параллельной группе, мы пересекались на общих лекциях, а в последнее время начали немного общаться. То есть мне стало удаваться ответить ей, не запинаясь и не краснея. И я робко надеялся, что она проявляет ко мне интерес.

– Идешь на лекцию?

На Лине были черные джинсы и синий свитер, рыжеватые волосы забраны в небрежный узел на затылке.

– Я... вообще-то я...

– Вот и мне не хочется. Может, сходим куда-нибудь, прогуляемся?

Она, кажется, немного нервничала. Сердце мое готово было выпрыгнуть из груди и озарить все кругом, как сердце Данко, и я хотел сказать, что пойду с ней куда угодно, но тут включился разум.

«Ты уже сделал сегодня глупость и проиграл. А если Лина тоже игрок? С чего вдруг она подошла и начала разговор?»

– Ты извини, что уговариваю тебя прогулять. Просто настроение ни к черту, – сказала Лина и грустно улыбнулась. –

Не могу больше тут торчать.

«Надо соглашаться! Второй раз она не предложит, решит, что я полный придурок!»

В этот момент зазвонил мой сотовый. Как вовремя!

Я не хотел брать, но Лина сказала:

– Ответь. Вдруг что-то важное.

Она отошла немного в сторону.

– Вторая игра. Прежде чем я объясню суть, вы должны выбрать цвет.

Голос был странный. Слишком низкий для женского, слишком мягкий для мужского. Звучал он глуховато, но в то же время гулко, будто говоривший вещал со дна колодца, при этом закрыв себе рот подушкой.

Я провел рукой по волосам. Цвет? Выбрать цвет?

– Вы можете назвать любой оттенок.

Лина стояла в двух шагах, такая невыносимо прекрасная и милая.

– Синий, – произнес я.

– Спасибо, – отозвался мой собеседник. – Игра продлится полтора часа. Она называется «Кот, какая сметана?», но правила немного изменены. Ваша задача – провести эти полтора часа там, где нет ни одного предмета, вещи, словом, ничего, что было бы синего цвета. У вас есть пять минут форы. Отсчет пошел.

Голос умолк. Я застыл, сжимая телефон в руке.

«Игра – серьезное дело. Если проиграешь...» – всплыло

в памяти.

– Так мы идем? – спросила Лина.

Девушка моей мечты. Девушка, в которую я был тайно влюблен. Девушка в синем свитере.

Я помотал головой. Слова про то, что мне нужно срочно уйти, прозвучали жалко. Но у меня не было выбора. Я оставил Лину стоять в коридоре – ничего не понимающую, слегка обиженную – и бросился от нее прочь, как от зачумленной.

Где спрятаться? Двери аудиторий были открыты, в каждой полно людей, туда соваться нельзя. Господи, сколько же вокруг синевы, я и не замечал! Синие куртки и джинсы, сумки и рубашки, заколки для волос и кроссовки, сине-голубые стены коридора, бело-голубая плитка и раковины в туалете.

Минуты таяли, я мчался по коридору, бешено вертя головой по сторонам. Подвальные помещения! Там архив, можно пересидеть полтора часа.

Дверь оказалась заперта.

Столовая? Не вариант, тоже много народу, к тому же могут быть синие тарелки, кастрюли или еще какая-то утварь, нельзя рисковать.

Библиотека? А как быть с корешками книг и фото на обложках?

«Господи, что я за debil? Зачем назвал такой часто встречающийся цвет? Не мог выбрать, например, оранжевый?»

Я вылетел на крыльцо здания. Две минуты, остались лишь две с половиной минуты! Куда бежать?

Тут мне пришла в голову светлая мысль: футбольное поле! Сейчас октябрь, занятия физкультурой проходят в зале, на поле точно пусто, и там все белое или серо-коричневое: земля, пожухшая трава, лавки, ворота.

Я рванул на поле что было сил. Легкие горели, ногу я подвернул, но и внимания на боль не обратил. Увидев перед собой поле, понял, что оказался прав: никого, кроме меня, и нигде ничего синего. Хотел было броситься туда, но...

«А одежда на мне?!» – сверкнуло в голове.

Как я об этом не подумал! Надо срочно избавиться от всего синего!

Сорок три секунды! Сумка, носки и ботинки черные, штаны серые, трусы белые с красным (господи, спасибо за эти маленькие радости, не пришлось посреди поля снимать и выбрасывать трусы!), куртку я оставил на вешалке, да она и не синяя, а вот свитер – черный с бирюзовым. Считается бирюзовый оттенком синего или нет?

Времени на раздумья не оставалось. Я стянул свитер, оставшись в серой футболке. Снова рванул за угол, затолкал свитер в сумку, а сумку (мало ли, какая там синяя мелочь окажется!) сунул под скамью (синюю, разумеется). Побежал обратно. Оставалось надеяться, что сумку не заметят и не сопрут, но, откровенно говоря, сейчас я думал только о том, чтобы успеть добраться до поля.

Когда время истекло, я был на месте, но все равно бежал на середину поля: тут, в центре тусклых серо-коричневых

оттенков, чувствовал себя в большей безопасности. Лишь бы кто-нибудь не приперся сюда, не испортил все!

Пока мне везло. Я стоял посреди футбольного поля, никто ко мне не приближался. Минуты шли (медленнее, чем хотелось бы). Я стал успокаиваться и почувствовал, что начинаю мерзнуть: середина октября, промозглый день, все небо в тучах, вот-вот начнется не то снег, не то дождь, а я в футболке с коротким рукавом!

Это были, наверное, самые долгие полтора часа в моей жизни. Я трясся от холода, как мокрый щенок, приплясывал на месте, чтобы чуточку согреться, и постоянно озирался по сторонам, боясь, что кто-то заметит меня, решит разобраться, что случилось, захочет помочь... И тем самым все испортит.

Всего за пять минут до конца отведенного мне времени случилось то, чего я никак не мог ожидать. Нет, ко мне не подошел доброхот в синей куртке, не подбежала девчушка в синей шапочке, на поле не выехал синий автомобиль. Все было по-прежнему серо-бело-коричневым.

Под ногами, по обе руки все было хорошо. А вот над головой...

Тучи – свинцовые, тяжелые, набрякшие дождем или снегом, похожие на грязное ватное одеяло, которое кто-то набросил на город, – внезапно разошлись, выглянуло солнце. Я сдуру даже обрадовался, потому что стало чуть теплее.

Но радость длилась недолго. В кривом разрезе разъехав-

шихся в стороны облаков показалось небо. Узкий, как лезвие ножа, готового вонзиться в горло, неровный лоскут. Прозвительно синий, каким бывает небо только осенью.

Я бешено огляделся. Ведь почти получилось! И потом, это же небо! Как человек может влиять на такие явления?! Это нечестно!

Никто не шел ко мне, чтобы сказать, что я опять проиграл. Телефон в кармане брюк молчал. Может, я все-таки выиграл?..

Это упало прямо передо мной. Свалилось с жесткого неба, кажется, прямо из дыры, образовавшейся в облаках. Я заорал от неожиданности и отпрыгнул в сторону, в первый момент даже не сообразив, на что смотрю.

Птица. Это была птица. Не знаю, какая; вероятно, из тех, что не улетают на юг, остаются зимовать. А может, она как раз летела в теплые страны, но злая сила вырвала ее из родной стаи, чтобы камнем швырнуть о землю. Хотя сейчас октябрь, поздновато уже лететь, наверное.

В голову лезла всякая чушь, и мне страшно было отпустить эти нелепые мысли, осознать случившееся. А случилась-то невозможная вещь. В клюве упавшей возле моих ног птицы был плотный белый конверт.

Двигаясь, словно в глубоком трансе, я присел на корточки, попытался вытянуть конверт из клюва. Птица, которая была еще жива, затрепыхалась, и я испуганно отдернул руку. Мне было так жаль это несчастное создание, и в то же время

не оставляло ощущение, что мы похожи, что я сам напоминаю эту птицу.

Она перестала дергаться, затихла, припав к земле. Клюв ее приоткрылся, и конверт оказался в моих руках.

«Итог второй игры: поражение. Ожидайте уведомления о начале третьей игры», – вот что я прочел.

На сумку мою никто не позарился. Я оделся, сходил за курткой, снова вышел из здания. Настенные часы в холле показывали половину четвертого, до десяти вечера мне предстоит сыграть еще в одну игру, а нервы на пределе, силы на исходе.

Проходящие мимо косились на меня. Наверное, вид был жуткий, взгляд стеклянный, как у наркомана. Я никого не замечал, не узнавал.

Выйдя из здания университета, в общагу я не пошел, бродил по улицам, пытаюсь сообразить, как поступить, ожидая, что мне сообщат о начале новой игры. Я даже согрелся, точнее, мне было все равно, холодно или тепло, собственное тело казалось чужим и непослушным.

Мобильник запищал: пришло SMS-сообщение. Я трясущимися руками вынул сотовый, едва не выронив его. Это оказалась обычная рассылка, но я заметил, что предыдущее сообщение, извещение о проигрыше в первой игре, пропало. Как пропал из журнала звонков и вызов, сообщающий о второй игре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.